

[Polaris]

Карл Грунерт

ЯЙЦО
АРХЕОПТЕРИКСА

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CXIV

Salamandra P.V.V.

**Карл
ГРУНЕРТ**

ЯЙЦО АРХЕОПТЕРИКСА

**Фантастические
рассказы**

**Изд. 2-е,
дополненное**

Salamandra P.V.V.

Грунерт К.

Яйцо археоптерикса: Фантастические рассказы. Изд. 2-е, дополн. — Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. — 105 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CXIV).

В книгу вошли избранные рассказы Карла Грунерта, одного из пионеров немецкой научной фантастики. Созданные Грунертом и порядком забытые «новеллы будущего», представляющие и апокалиптическую, и космическую, и палеофантастику, в наши дни вновь привлекают внимание читателей. Во втором издании книга пополнилась рассказом «Египтянка Нитакэрт».

© Переводчики, 2016

© М. Fomenko, биогр. очерк, 2016

© Salamandra P.V.V., оформление, 2016

**ЯЙЦО
АРХЕОПТЕРИКСА**

В кабинете старого профессора Дилювиуса по-прежнему ярко горела настольная лампа.

За плотно закрытыми жалюзи первые лучи утреннего рассвета уже осветили окрестности. Тем не менее, старый профессор продолжал работать. Какая-то редкая и чрезвычайно интересная находка, видимо, заставила ученого совершенно забыть об окружающем мире и о себе самом.

Профессор Дилювиус был директором палеонтологического отделения Музея естествознания. Его исследования ископаемой фауны, в особенности же касавшиеся динозавров, были признаны в нескольких областях эпохальными...

Настоящий кабинет профессора располагался на первом этаже музея, и только самые необычные обстоятельства могли подвигнуть его заняться обработкой палеонтологической находки у себя дома.

Да, чудесное, необычайное ископаемое лежало сейчас перед ним, и руки профессора — все еще искусные и уверенные, несмотря на преклонный возраст ученого — прилежно высвобождали его из камня.

Профессор, меняя подобные резцам инструменты, работал над плитой литографического известняка неправильной формы, добытой близ Айхштета. Осторожно и очень бережно, начав с края, он удалял один за другим слои известняка, пока не достиг отмеченного карандашной окружностью места.

Что за странное, допотопное существо покоилось, оканув, в отложениях известкового сланца?

Целая гора каменных осколков уже громоздилась перед профессором, и все-таки он не давал отдыха усталым пальцам и горящим глазам — снова и снова атаковал плиту, то и дело применяя новые инструменты.

Граухен, великолепная серая кошка, уютно разместившись в кресле, удивленно наблюдала за непонятной ночной деятельностью хозяина. Она досталась профессору от покойной жены, которая когда-то нашла в прихожей беспомощного маленького котенка, полумертвого от голода. Кошка всеми силами пыталась привлечь внимание профессора: сперва мурлыкала, затем тихо мяукала, но все было

напрасно; наконец, досадливо помаргивая, она закрыла глаза.

Где-то рядом пробили часы. Профессор Дилювиус прислушался и внимательно сосчитал удары.

— Четыре утра! — произнес он. — Я тружусь уже двенадцать часов и, кажется, самая грубая часть работы закончена. Теперь нужно быть вдвойне, втройне осторожным!

Он вновь начал царапать и долбить плиту, и каменные осколки, вылетавшие из-под резца, становились все меньше и меньше. Теперь он действовал с помощью стальных инструментов самого малого размера.

В полнейшей сосредоточенности он проработал таким образом почти два часа. Внезапно острое резца откололо сравнительно крупный фрагмент камня...

— Вот оно! — вскричал профессор Дилювиус.

Над плитой показалась верхушка яйцевидной окаменелости...

— Приветствую тебя, радостный дар миллионов ушедших лет! — ликовал старый профессор, в восторге хлопая в ладоши и подскакивая то на одной ноге, то на другой.

— Приветствую тебя, подарок *rara avis*!* Колумбово яйцо и — даже яйцо Леды — лишь тень в сравнении с тобой!

Он поднес камень ближе к лампе и высоко поднял зеленый абажур.

— Каким невзрачным оно кажется! Как любая вещь, чья ценность сокрыта внутри, а не вовне! — Серо-зеленое с черными крапинками! — Кто мог бы предположить, что яйцо это было снесено в те времена, когда на нашей планете еще не появились люди... отложено созданием, что было ящерцей и — мечтало стать птицей!

Он вновь поспешно взялся за инструменты и начал извлекать предмет из известковой гробницы. И пусть первый взгляд на долгожданную находку вдохновил и потряс его до глубины души, руки продолжали работу с железным спокойствием и хладнокровием, направляемые осторожным, взве-

* «Редкая птица», в переносном смысле — нечто редкое, исключительное (лат.).

шивающим взором острых серых глаз, пока округлый предмет не появился в целости и сохранности перед ним — яйцо первоптицы, археоптерикса! — И только после этого ученый позволил себе отвлечься и еще раз перечитать сопроводительное письмо, которое направил ему вместе с ценной палеонтологической находкой молодой друг и бывший ученик, доктор Финдер*.

Письмо гласило:

Айхштет, 5 июля 19.. г.

Дорогой и уважаемый господин профессор!

Посылаю Вам с этим письмом находку, которая, как представляется в настоящий момент, сможет занять уникальное место в собрании нашего музея: окаменевшее яйцо, каковое, судя по месту его обнаружения (оно было найдено здесь, в известняковом карьере на Блюменберге), вероятней всего, принадлежит *Archaeopteryx lithographica*. Исследование посредством новых У-лучей показало лишь, что внутри сланцевой плиты находится прекрасно сохранившееся яйцо. Я отметил местонахождение находки карандашом на верхней и нижней сторонах плиты, что по крайней мере даст некоторое указание на ее расположение в камне.

К сожалению, наиболее трудную работу, связанную с извлечением яйца, мне придется предоставить Вам, глубокоуважаемый профессор. Вы знакомы с моей работой в местных известняковых карьерах и знаете, что она не оставляет мне времени для столь непростого дополнительного труда. Однако, Ваши искусные руки справлялись в прошлом с гораздо более трудными задачами. Надеюсь, со своей стороны, что любовь и уважение, которые я питаю к Вам, не останутся незамеченными Вами, несмотря на то, что подарок мой еще скрывает каменная упаковка.

Ваш благодарный ученик,
доктор Финдер

Р. С. Как жаль, что невозможно «высидеть» это яйцо! — Полагаю, однако, что оно для этого недостаточно «свежее»?!

* Букв. «искатель», «первооткрыватель» (нем.).

Глаза старого ученого вновь и вновь возвращались к этому постскриптому. Невероятная мысль пришла ему на ум: не может ли шутка о «высиживании» яйца обернуться правдой?

Шум у двери прервал его размышления. Вошла Паулина, пожилая экономка профессора. Пораженная, она выронила ведро и швабру и в ужасе воздела руки над головой.

— Но... профессор, профессор! Если бы только ваша покойница-жена это видела! Вы *все еще* сидите над своим куском камня? И до сих пор даже не ложились? Ах, дорогой профессор, когда человеку за семьдесят...

— Да-да, вы правы, дражайшая Паулина! Но бывают исключения — вот почему я нынче работал всю ночь. Прошу вас, проявите благоразумность и больше меня не попрекайте — а лучше принесите мне самую большую чашку превосходного кофе, какой только вы умеете варить, Паулина!

Подхватив ведро и швабру и покачивая головой, старая, преданная экономка удалилась.

Профессор Дилювиус вновь обратился к необычайной находке. Он бережно взял в руку яйцо археоптерикса и начал разглядывать его при свете настольной лампы. Яйцо отличалось равномерной непрозрачностью, как если бы скорлупа его была толще и плотнее, чем у яиц современных птиц. Профессор вспомнил крестьянское средство и поднес драгоценное яйцо к губам — сперва одним концом, после другим.

В восторге и страхе он чуть не выронил яйцо из рук.

Один конец показался ему теплее другого!

Кровь затрепетала в его висках от внезапного волнения. *Неравно* теплые половины! Быть может, это галлюцинация...

Утро мерцало в щелях жалюзи. Профессор поднял их и погасил свет в комнате. Затем он несколько раз прошелся взад и вперед, открыл окно и глубоко вдохнул душистый весенний воздух. Он должен был снова овладеть собой, вновь полностью подчинить себе все чувства, прежде чем приступить к решающему исследованию находки.

Паулина вернулась и принесла ароматный утренний напиток. Вид ее доброго, несколько простоватого лица и глоток коричневой влаги успокоили профессора. Быстро решившись, он протянул экономке драгоценное яйцо первоптицы.

— Проверьте-ка, дражайшая Паулина, свежее ли это яйцо. Представьте себе, что держите яйцо курицы. Только, прошу вас, осторожно, осторожно!

Паулина подвергла яйцо тому же испытанию, что и профессор несколько минут назад — с той разницей, что простоя кухарка обладала куда большим опытом.

— Еще свежее, господин профессор! Сварить его вам? Это какое-то экзотическое лакомство, не так ли?

Обеими руками престарелый профессор схватил чудесное сокровище.

— Нет! О, нет! Бога ради, Паулина! Это яйцо подобного птице существа, которое жило на земле много, много тысячелетий назад.

— Но яйцо еще свежее, ручаюсь вам в этом, господин профессор! А теперь позавтракайте и приведите себя в порядок, если не собираетесь ложиться!

С этими словами Паулина вышла из комнаты.

Профессор опять взял в руки яйцо. Последняя проверка.

Никаких сомнений! Один его конец определенно теплее другого. Паулина была права: яйцо «еще свежее». По весу оно едва превосходило куриное яйцо средней величины — по некоей непонятной причине, следовательно, содержимое не могло быть окаменевшим! Вероятно, мельчайшие частицы известкового ила юрского моря герметически закупорили все поры скорлупы; бактерии, вызывающие разложение, не смогли проникнуть внутрь и содержимое сохранилось, словно в консервной банке...

Но тогда! — Тогда можно поместить яйцо на созревание в инкубатор! И это также означает, что белок еще жизнеспособен, в силах развиться — невзирая на непредставимо долгое время, что яйцо пролежало в окаменевшем известковом иле Айхштета! Мысли в голове профессора снова забегали с безумной быстротой...

Тогда его ожидает неопишное счастье: он увидит, как из чудесного яйца вылупится живая первоттица, настоящий археотерикс во плоти!

На счастье, Паулина давно ушла и не увидела индейский танец, который профессор принялся выплясывать среди чинной мебелировки кабинета. Должно быть, Граухен, чей мирный сон был вновь потревожен, удивилась еще больше — но хранила молчание.

Несколько часов спустя профессор Дилувиус, воспользовавшись услугами служителя палеонтологического института, раздобыл инкубатор, установил аппарат и бережно поместил внутрь драгоценное яйцо археотерикса. Первоттицы юрского периода, вероятно, сами не высиживали яйца, так как обладали сравнительно редким оперением, но предоставляли это нашей всемогущей матери — солнцу; поэтому точное соблюдение температуры инкубации было невозможно даже в природе. Следовало только не превышать предельный уровень температуры (около 60°), потому что иначе белок начнет сворачиваться. Заранее установленная максимальная температура инкубатора, обогреваемого лампой, регулировалась с помощью автоматического механизма. Когда температура достигала предельно допустимого уровня, аппарат либо подавал наблюдателю сигнал тревоги, либо же автоматически ограничивал приток тепла и тем самым снижал температуру. Последний метод применялся чаще. Профессор Дилувиус, однако, доверял себе намного больше, чем самому современному автоматическому устройству; вследствие этого, он переключил аппарат на «тревогу», собираясь регулировать температуру вручную, если она превысит допустимый уровень. Он с тревогой и страхом думал о ночных часах, когда придется доверить драгоценное сокровище автоматическому механизму инкубатора. На мгновение ему пришла в голову мысль установить круглосуточное дежурство и, покуда яйцо созревает, делить его с Паулиной — но он не осмеливался предложить нечто подобное старой, преданной экономке, хотя сам охотно наблюдал бы за инкубатором все ночные и даже половину дневных часов.

Необходимо было, однако, посвятить Паулину в некоторые секреты работы инкубатора. — Профессор позвал экономку и вкратце разъяснил ей принцип действия механизма. Недоверчиво улыбаясь, усердная Паулина глядела на странный ящик — и ее улыбка становилась даже немного насмешливой, когда она посматривала на престарелого профессора, пылко излагавшего таинственный план.

— И птенец без всякой насадки вылупится из яйца?

Профессор кивнул.

— Кто же проклюнет дыру в скорлупе, когда яйцо созреет, господин профессор?

Профессор развеял ее опасения и к своей радости убедился, что она усвоила методы, посредством которых температура поддерживалась на нужном уровне.

— Долго ли жестяная курица будет высиживать цыпленка? — спросила она, уходя.

— Подождем и увидим, Паулина. Но надеюсь, не дольше, чем курица из мяса и перьев!

С тех пор профессор Дилювиус жил только ради археоптерикса. Поглощенный мыслями о предстоящем «радостном событии», он забывал о еде, питье и сне.

Старая Паулина была вне себя от отчаяния. Напрасно она готовила хозяину самые вкусные блюда, напрасно уговаривала его, в память о «покойной госпоже профессорше», позаботиться о дряхлеющем теле и хоть немного отдохнуть.

Три дня и три ночи подряд профессор Дилювиус просидел перед «жестяной курицей». На письменном столе лежала раскрытая книга с превосходным изображением *Archaeopteryx lithographica* («Палеонтологические труды» Дамеса и Кайзера, т. 2, вып. 3, 1884).

— Какой чудесной находкой является даже этот великолепной сохранности отпечаток из сланцевых карьеров Зольнхофена! — бормотал он. — В те дни германская империя выложила 26,000 марок за плиту с археоптериксом — но я, если счастье мне улыбнется, окажусь единственным в мире обладателем *живого* экземпляра! Как мне будут завидовать! Мои дражайшие и недоверчивые коллеги сбегутся со всех концов света, чтобы посмотреть на фантастичес-

кую птицу! И что только мне не предложат за нее! Но никаких денег в мире не хватит! Не хватит всего золота земли!

Этим горделивым утверждением старый ученый завершил свой дифирамб первоптице, которая постепенно развивалась в яйце под воздействием живительного тепла.

Негромкое мурлыканье зазвучало в кабинете и одновременно профессор почувствовал, что о его ноги трется Граухен. Лаская кошку, он гладил рукой ее спинку, пытаясь немного искупить прежнее невнимание. Затем, однако, он сказал:

— Придется тебе привыкнуть на какое-то время к жизни на кухне, дражайшая Граухен! Хотя ты и очень благовоспитанная кошечка, под твоей мягкой, восхитительной шерсткой все-таки таится хищник, и более того, хищник, который очень любит маленьких птенцов!

Граухен хотела было запрыгнуть к нему на колени, занять место, принадлежавшее ей годами, но профессор отмахнулся от нее, встал и открыл дверь, собираясь прогнать кошку прочь.

В этот момент на пороге появилась Паулина.

— Дражайшая Паулина, кошку некоторое время нельзя будет пускать в кабинет. Думаю, у вас на кухне она будет в надежных руках.

— Конечно, профессор — как пожелаете! — Профессор, я хотела спросить, справитесь ли вы сами несколько часов; мне хотелось бы ненадолго отлучиться к родным...

— Ступайте, Паулина, ступайте! Но к вечеру вы, я смею надеяться, вернетесь...

— Непременно. До свидания, господин профессор!

Подхватив Граухен на руки, она вышла из комнаты.

Паулина, эта добрая, заботливая душа, не знала, что и делать. Нынче случилось самое невероятное: профессор даже не притронулся к любимому блюду — фрикасе из курицы! Нет, *ничем* хорошим это не кончится! И все из-за злополучного яйца!

Паулина направилась не к родственникам, а к семейному врачу профессора, доктору Гартману, советнику медици-

ны. Она излила перед ним свое старое, преданное сердце, поведала все свои горести, рассказала о том, как несколько дней назад профессор получил по почте большую каменную плиту, как работал над нею резцами день и ночь, высвобождая скрытое в камне яйцо, как не спал последние три дня и три ночи и ни кусочка не проглотил (не притронувшись даже к любимому блюду!), как изгнал из кабинета красивую серую кошечку, которая, как известно господину советнику, была памятью о покойной жене — и все ради того, чтобы добыть птенца из яйца проклятой птицы, каковое он поместил в нагретую жестяную коробку! — Свой рассказ Паулина завершила горячими слезами и настоятельной просьбой к господину советнику наставить ее хозяина на ум, пока еще не поздно!

— Хорошо, хорошо, фрейлейн Паулина, будет сделано! Возвращайтесь домой; я вскоре последую за вами. Часы посещения больных уже истекли; профессор должен считать, что я пришел к нему с визитом вежливости, как старый друг, а не как семейный врач.

Отворив дверь в кабинет старого друга, советник медицины доктор Гартман тотчас услышал короткий прерывистый звон сигнала тревоги.

Он вошел; следом вошла Паулина, которая также услышала звонок.

И — там, за столом, крепко спал старый профессор, и его растрепанная седая голова покоилась на вышеупомянутом изображении археоптерикса. Он заснул беспробудным сном и не услышал тревожный сигнал инкубатора.

Одним взглядом советник медицины оценил положение.

— Пожалуй, я пришел как раз вовремя! — пробормотал доктор Гартман.

Он задумчиво взглянул в лицо спящего, сосчитал пульс профессора и сказал:

— Не беспокойтесь, фрейлейн Паулина, я хорошо знаком с его конституцией! Он наверстает все упущенное во сне. Давайте устроим его здесь, на раскладном кресле; завтра, к это-

му же часу, он полностью восстановит свои силы — и, не исключено, станет вести себя более благоразумно!

Затем престарелый советник приблизился к инкубатору... здесь также предстояло немало дел...

Приблизительно двадцать четыре часа спустя профессор Дилювиус проснулся.

Пораженный, он осмотрелся и понял, что лежит на кресле, обложенный со всех сторон подушками и одеялами.

Профессор был озадачен и на мгновение потерял нить своих мыслей. Затем его взгляд упал на инкубатор, стоявший на письменном столе.

Ловко, как юноша, профессор вскочил на ноги и поспешил к аппарату.

Яйцо было внутри — неповрежденное, и термометр показывал предписанную температуру инкубации! Профессор вызвал звонком Паулину.

Паулина, как видно, ждала звонка, ибо мгновенно появилась в дверях.

— Добрый день, дражайшая Паулина! Долго же я проспал, полагаю?

— О, совсем немного, дорогой господин профессор! Вы на минутку прикорнули на раскладном кресле; я принесла вам подушек. Когда я вернулась от родственников, вы так крепко спали, что я не решилась вас будить. С инкубатором все было в порядке и...

— Верно, верно, Паулина — я только что заметил, что перевел механизм на «автоматическую регуляцию» вместо «тревоги». Надо полагать, я ощутил сильную усталость и вовремя повернул выключатель. Слава Богу, механизм работал без перебоев. Машина все же надежней человека. — А теперь, милая Паулина, принесите мне что-нибудь поесть! Скажите-ка, осталось ли у вас еще немного фрикасе?

— Конечно, конечно, дорогой господин профессор! Сейчас же подам!

И, сияя от радости, она бросилась на кухню.

Поскольку старый профессор вновь наслаждался фрикасе, Паулина больше за него не беспокоилась. Что же до профессора, то он превозмог пароксизмы минувших дней,

так как удостоверился, что механизм автоматической регуляции инкубатора работает надежно и исправно.

Внешне он казался прежним решительным и вдумчивым ученым, но его внутренний мир был озарен восходящим солнцем великой надежды!

Дни проходили спокойно, размеренно... Дни слагались в недели...

Во второй половине двадцать четвертого дня профессор Дилювиус сидел в кабинете. День выдался душный, и пылающий жар июльского солнца навевал на профессора сонливость.

Он грезил в полудреме, с открытыми глазами. Увешанные коврами стены кабинета словно раздвинулись — бесконечная даль как будто распахнулась перед ним, тропа под ногами вела в обширную зеленую долину. Неведомые растения с причудливо искаженными формами, произраставшие в изобилии, точно в теплице, нависали над головой, вились и стелились под ногами. В чаще девственного леса копошились, прыгали и бегали неведомые, фантастические существа.

Внезапно скользкая тень упала на тропу.

Воздушное создание перелетало с одного странного и причудливого древесного ствола на другой.

Его оперение, в особенности длинный хвост, подобный пальмовому листу, сверкало металлически-зеленым блеском. Вот необычайное существо пронеслось совсем низко над путником и повисло на одном из стволов, расходившихся в стороны ветвями, как канделябры.

Оно висело и покачивалось, сложив крылья и вцепившись в дерево длинными острыми когтями, которые выступали из гущи маховых перьев рядом с сочленениями. Существо разинуло клюв, собираясь проглотить схваченную добычу, и стали отчетливо видны острые белые зубы.

— Археоптерикс! — бессознательно прошептал ученый.

И вдруг в последние мгновения грезы вторглось громкое звяканье, словно где-то разлетелось на куски стекло!

Профессор Диливиус резко выпрямился. В этот миг перед его полужакрытыми глазами промелькнула быстрая тень.

Стала ли греза волнующей явью? Он подбежал к инкубатору — в нем лежала разбитая яичная скорлупа, сброшенная вылупившимся существом. — Но где же, где же оно? — Как удалось ему пробить стеклянное окошко инкубатора?

В лихорадочной поспешности он осмотрел все углы и закоулки кабинета — бесполезно!

Забрался в камин и заглянул в дымоход — ничего!

Поставил стул на письменный стол и исследовал пустое пространство над верхними крышками шкафов и складки тканевых занавесок — все впустую!

Там — под креслом — шорох!

Он молниеносно сжал руки...

И в дрожащих руках профессора оказалась... оказалась... Граухен, серая домашняя кошка, незаметно прокрававшаяся в кабинет.

Она все еще облизывала окровавленную мордочку...

На миг профессор Диливиус застыл недвижно, как статуя. Его седые локоны взвились, как волосы Медузы, вокруг мраморно-бледного чела. Но тотчас он пришел в чувство. Его серые глаза метали молнии! В слепой ярости он схватил злоумышленницу за загривок! И, словно помешанный, принялся метаться по комнате.

— Паулина! — возопил он хриплым от волнения голосом. — Паулина!

Охваченная ужасом, Паулина возникла на пороге кабинета.

— Эта bestия — прокралась сюда — разбила окошко инкубатора — и — *сожрала* — моего — только что — вылупившегося — археоптерикса!

Он с трудом, по отдельности выкрикивал слова.

И, едва не обезумев от разочарования и обиды, профессор добавил:

— Я убью коварную мерзавку и вскрыю ее, чтобы спасти, по крайней мере, измельченные останки драгоценной первоптицы!

Он яростно встряхнул Граухен, безуспешно пытавшуюся высвободиться из железной хватки профессорских рук.

— О, чудовище, проклятая, лицемерная гадина!.. Ты за это заплатишь! Заплатишь!

Паулина, сложив на груди руки, стояла перед разъяренным ученым.

— Господин профессор, дорогой мой, добрый господин профессор...

— Здесь и ваша вина, Паулина! Почему вы лучше не присматривали за этой позора достойной тварью? Мой археоптерикс, мое вдохновение, моя мечта, моя надежда — венец всех забот и трудов минувших недель! Дар неисчислимых тысячелетий, ниспосланный мне благим промыслом судьбы — съеден — кровожадной кошкой!

Он подошел к инкубатору.

— Там покоятся осколки моего счастья! Тысячи людей позавидовали бы мне, узрев мое сокровище — и теперь...

— Господин профессор —

— Только подумать, ископаемое существо пробудилось от векового сна, вылунилось, жило! И я даже не увидел его живым! Даже не увидел живым! Ах, мой археоптерикс!

— Господин профессор, дорогой мой, добрый господин профессор, — снова начала Паулина, и по щекам преданной служанки покатались слезы. — Послушайте: в жестяной курице созрело яйцо совсем не вашего зверя, чье имя я не могу и выговорить...

Профессор Дилювиус выпустил из рук кошку и пристально уставился на экономку широко раскрытыми глазами.

— Господин профессор, — продолжала Паулина, — яйцо раскололось три недели назад, в тот день, когда вы так крепко заснули! Вас посетил тогда господин советник медицины. Он сказал, что температура в жестяном ящике чересчур повысилась. Но он опасался, что горечь утраты будет для вас слишком болезненна. Поэтому он взял другое яйцо, нарисовал на нем чернилами пятна и поместил это яйцо в инкубатор. И сегодня из него вылупилась — *утка!*

хроносъ

Н. Грунертъ.

Фантастическіе разсказы.

ГИБЕЛЬ ЗЕМЛИ.

ШПИОНЪ СЪ МАРСА.

Безплатное приложеніе къ № 4 журнала

Заходней

ГИБЕЛЬ ЗЕМЛИ

I

«...И пертурбация эта наблюдалась в нескольких различных местах. Ввиду этого было бы очень важно, в целях сравнительного исследования, организовать правильные наблюдения во всех европейских обсерваториях. Надо надеяться, что опасения моего молодого сотрудника окажутся тогда преувеличенными; иначе нас, право, было бы жаль... не правда ли, уважаемый и дорогой коллега?

Не теряю надежды, что вы все же соберетесь, наконец, посетить нашу обсерваторию и дадите мне возможность показать вам наш новый 50-дюймовый инструмент. Соберитесь-ка поскорее, право: ну вдруг это правда, и мы с вами так и не успеем повидаться?

До свиданья! И да будет нам действительно суждено с вами встретиться.

Ваш Т. Е. Лескоп».

Директор получил это письмо у себя в кабинете обсерватории в П. и по прочтении просидел несколько времени в глубоком раздумьи, потом быстро поднялся, нажал одну из кнопок у себя на столе и приказал вошедшему служителю попросить д-ра Штейнвега.

Когда доктор вошел, директор молча протянул ему полученное письмо и тот так же молча принялся читать его. По его выразительному, умному лицу было видно, что по мере чтения его живой интерес к содержанию письма возрастал с каждой строкой.

— Что вы скажете, доктор? — спросил директор обсерватории, когда тот положил на стол прочитанное письмо.

— Г. директор, письмо не сказало мне ничего нового, хотя последние выводы и несколько неожиданны для меня...

— Как?... Вы, значит, с своей стороны...

— Эти пертурбации я наблюдаю уже несколько недель.

— Вот как? И даже не сообщили мне об этом?

— У меня не было достаточной уверенности, г. директор. Случай этот настолько необычаен, так резко выходит из обычного круга астрономических событий...

— Понимаю, дорогой доктор. Какого же вы мнения об этой таинственной истории?

— Г. директор, я и теперь предпочел бы еще не высказываться. Но на основании своих наблюдений и вычислений я все же, кажется, могу сказать, что...

— Что? Говорите же, дорогой доктор!

— Что... как это ни кажется фантастичным и ненаучным... какое-то неизвестное небесное тело, — огромное, колоссальное, — приближается с невообразимой быстротой к нашей планетной системе...

— В таком случае, оно давно должно было быть видно и было бы замечено какой-нибудь обсерваторией?..

— А если... это н е в и д и м о е светило?

— Вы хотите сказать, что, — согласно гипотезе Голечека, — это, быть может, комета, лишенная возможности выйти на своем пути из круга солнечных лучей? Вроде кометы «Хедив» 1882 года, тоже только случайно открытой в непосредственной близости от Солнца с помощью фотографического снимка, сделанного в момент полного солнечного затмения?

— Да, эта гипотеза могла бы объяснить по крайней мере ее невидимость; но непонятной и загадочной все же остается степень ее огромного влияния на нашу систему, — например, на орбиту Луны; влияния до того огромного, что оно заставляет предположить массу, гораздо более грандиозную, чем обыкновенно имеют кометы.

— Но в таком случае это вовсе и не комета в обычном смысле! Кстати: не пытались ли вы — по изменениям, замеченным в системе — точнее вычислить положение неизвестного виновника пертурбации, элементы его орбиты?..

— Нет еще, г. директор.

— Ах, в таком случае займемся этим сразу же. Данные, имеющиеся в этом письме, значительно облегчат эту работу.

И директор передал своему главному ассистенту объемистое письмо, с заключительными строками которого мы только что познакомились.

.

Одинокое и заброшенное высилось большое здание обсерватории, построенной на самом возвышенном месте окрестностей П.

Одинокое сидел в своем кабинете среди обширного здания доктор Штейнвег. Перед ним на столе лежали испещренные формулами и цифрами рукописи, над которыми он напряженно работал все последнее время.

Что же говорили все эти затейливые черные значки? Что означала эта бесконечная формула на отдельном листе, к которой десятки раз снова и снова возвращался ассистент во время работы?

Уже несколько недель Штейнвег замечал некоторые неправильности в движении Луны, выходявшие за обычные пределы маленьких уклонений, издавна известных астрономам.

Правда, и эти новые уклонения были так незначительны, что подметить их могло только самое пристальное, изощренное наблюдение, — и Штейнвег сам вначале приписывал их только мелким несовершенствам собственного наблюдения. Но с течением времени эти неправильности все больше и больше теряли свой случайный характер, который мог бы находить объяснение в субъективных ошибках наблюдения, — и все больше принимали характер объективно-вероятного явления.

И как раз в то время, когда он пришел к заключению, что эти возрастающие с каждым днем неправильности могут быть вызваны только силой притяжения какого-то огромного мирового тела, несущегося с ужасающей быстротой к нашей планетной системе, в это самое время получилось письмо директора Т. Е. Лескопа из Моунт Гамильтона.

Письмо это не только явилось подтверждением его собственных наблюдений, но в астрономических данных своих заключало, кроме того, столько нового материала, что он мог теперь определить элементы пути этого загадочного, совершенно невидимого еще небесного тела.

В глубоком раздумьи он снова принялся за лист формул и вычислений.

— Это так и иначе быть не может! — беззвучно проговорил он, наконец.

Он взял карту небесного свода, на которой отмечено было движение Земли по эклиптике отдельно для каждого дня года, — и провел по ней карандашом небольшой кривизны дугу.

Затем он встал и открыл окно.

Мягкая и теплая ласка вечернего воздуха освежила его лоб.

Перед ним расстилалась во всей пышной летней красе богатая растительность долины с колыханием золотистых нив, с миллиардами наливающихся и рдеющих плодов в садах и овощей в огородах.

Благословенные недра земли бременели развивающимися новыми жизнями...

По узкой тропинке возвращалась с поля домой молодая женщина в крестьянском платье, медленно и устало переступая по откосу, словно и она несла свою ношу.

Благословенное чрево молодой женщины бременело развивающейся новой жизнью...

Доктор Штейнвег отошел от окна, сел за свой письменный стол и закрыл глаза, как будто у него не хватало сил дольше созерцать великолепие расцветшей природы.

Грядущая судьба не считается ни с чем, — думал он; ничего она не хочет знать, — ни зимы, ни лета, ни дня, ни часа, ни посева и жатвы, ни цветка и плода...

И все же прав великий британец, требующий от жизни человека одного: зрелости...

Штейнвег задумался о своем прошлом.

Иные плоды созрели, правда, из ярких цветов юности; правда, грядущее не застигнет его совсем не готовым; но

лучший цветок его жизни сломался, еще не распутившись...

И вспомнилась ему его молодость.

В глазах женщин — девушек и матерей среди своих знакомых — он считался еще и теперь молодым, несмотря на свои седые волосы: он был неженат и располагал блестящими средствами. Но ему вспоминалось действительная молодость его.

Он вспоминал свою молодую любовь, которой были посвящены его первые стихи и слезы.

Целомудренно, серьезно и чисто было его чувство; на один-единственный робкий поцелуй хватило у него дерзновения в один блаженный миг... И одинокий, суровый ученый не мог не улыбнуться и теперь, при воспоминании об этом поцелуе и о том, как смутились они оба тогда...

Судьба разъединила их потом и вообще обошлась с ним очень неласково и немилостиво...

Он не встречал ее больше, но знал, что и она — эта суровая, гордая, замкнутая душа — живет до сих пор одна и одинокая далеко отсюда...

Чей-то стук в дверь прервал его грустные думы; в комнату вошел директор.

— Я так и думал, дорогой доктор, что вы еще у себя в кабинете! Представьте себе, я получил еще три телеграммы, извещающие о том же явлении!

— Да, теперь это уже факт, не подлежащий сомнению! Взгляните, г. директор, — вот вычисление пути невидимого светила...

Белоснежная голова директора склонилась над протянутыми ему Штейнвегом листками, покрытыми бесконечным рядом формул и цифр.

С каждым мигom лицо его становилось серьезнее. Через несколько минут он возбужденно сказал:

— Ну, знаете ли, доктор... ведь это серьезнее, чем можно было думать! Я вижу, вы воспользовались формулой Крафта, дающей возможность определить положение данного тела с помощью одной только постоянной?

— Совершенно верно, г. директор.

— И вам вот это (он указал на одно из вычислений) кажется безошибочным?

— Насколько я могу судить, — да, г. директор.

— Но ведь в таком случае невидимый враг приближается к Земле с угрожающей быстротой! Дайте-ка мне карту земной орбиты... Ведь это что же?.. Выходит как будто, что Земля в это же время...

Штейнвег протянул ему карту, на которой начертил прежде дугу.

Директор бегло взглянул на нее, потом перевел на ассистента странно серьезный взгляд и проговорил тихо и с расстановкой:

— А вы уже начертали и готовый итог вычислений!.. Так вот оно как!.. Значит, около 8-го августа неведомое, невидимое светило столкнется с нашей Землей...

— И со скоростью около 150 километров в секунду!..

— Это означает, следовательно, неминуемую гибель мира... — прошептал директор как будто про себя.

— Гибель мира едва ли, — но гибель Земли... безусловно!

II

Гибель Земли..!

Медленно и туго просачивалась в широкие слои человеческого общества эта весть, ставшая в короткое время в кругу специалистов несомненным фактом. Явившись в начале своего возникновения тайным достоянием некоторых обсерваторий, она мало-помалу проникла в газеты. И разумеется, встретила на первых порах единодушное отрицательное отношение.

Большинство газет снабжали сообщение об ожидающемся событии таким вступлением:

«Опять светопреставление! Но хотя на этот раз эта весть идет из ученых сфер, от господ астрономов, доверять ей,

мы полагаем, все же следует не более, чем прежним слухам».

За этим вступлением следовал обыкновенно более или менее обстоятельный перечень всех случаев когда-либо предсказывавшейся гибели мира и затем большинство газет заканчивали статью почти одной и той же стереотипной фразой:

«Итак, будем надеяться, что наша добрая старая мать-Земля уцелеет и на этот раз на радость нашим читателям и на посрамление всем злым пророкам, возвещающим с математической точностью день гибели мира».

Нечего и говорить, что юмористические журналы и листки изошрялись изо всех сил в насмешках над самой вестью, и над вестниками-учеными.

В день 3-го июля утренние столичные газеты снова приложили все усердие, чтобы успокоить население и убедить его в неосновательности слухов; все наперерыв приводили известное утверждение Араго о том, что вероятность столкновения Земли с какой-нибудь кометой или другим телом выражается отношением 1:280 миллионов, или — иными словами — такой вероятности все равно, что и не существует совсем.

Вечером того же дня седой старик директор П.-й обсерватории, О. Б. Серватор, читал лекцию перед многотысячной толпой. Таково было желание высших сфер, где, по видимому, рассчитывали, что разъяснения всемирно известного ученого всего успешнее рассеют неосновательные тревоги.

Старый астроном начал совершенно просто и без всякого пафоса рассказывать историю ожидаемого события, затем перешел к тем особенностям, какими отмечен данный случай для ученых специалистов: во-первых, невидимость надвигающегося небесного тела, которое может быть названо в просторечии кометой, и во-вторых, колоссальность его, вычисленная по производимым им пертурбациям. Элементы орбиты нового мирового тела вполне выяснены — сообщил лектор — и с наибольшей доступной астрономии точностью; на этом основании момент достижения оз-

наченным небесным телом нашей земли предвидится 3-го августа текущего года в 3 часа 34 минуты 52 секунды полудни.

До сих пор собравшаяся многотысячная аудитория слушала соображения и доводы астронома довольно вяло: ведь большая часть этих сведений была уже известна из газет. Но в эту минуту вся тысячеголовая толпа задвигалась, встрепенулась и насторожилась...

Все напряженно ждали великого всеразрешающего **но**: официального заявления, что, несмотря на все бесспорные вычисления и предсказания, грозное событие все же не состоится; что будут всевозможные явления — метеоры, падающие звезды — на небе, но серьезной угрозы нашей «сладостной привычке бытия» все же не предвидится; что земля будет беспрепятственно двигаться в мировом пространстве еще бесчисленное множество миллионов лет.

Старик-директор выдержал небольшую, но томительную для аудитории паузу, затем вынул из лежавшей перед ним папки листок и продолжал:

— Вчера на рассвете нам удалось, наконец, получить в нашей обсерватории фотографический снимок с невидимой кометы. Способ, которым это было достигнуто, заключается — изложу это вкратце — в том, что на пластинку наносится светочувствительный слой, который, в противоположность обыкновенным сухим пластинам, чувствителен не к лучам видимого спектра, а к ультрафиолетовой его части, причем длина волны равна приблизительно 200 миллионным миллиметра книзу. Изобретателем этой фотографии невидимого является наш главный ассистент доктор Штейнвег — и вот на этом снимке вы можете видеть результат его трудов.

Директор передал ближайшим из слушателей вынутый листок...

Толпа начала тесниться к нему со всех сторон...

Что же показывала эта фотография?

Неведомое тело, поразившее даже людей несведущих: ни тени сходства с обычным видом кометы. Прежде всего, эта комета не имела обычного хвоста более или менее фан-

тастического вида; но на снимке не было и головы кометы, состоящей обыкновенно из оболочки и ядра; был только простой круглый диск, вырисовывавшийся на фоне неба тусклым фосфорическим отблеском — и больше ничего!

В толпе, рассматривавшей снимок, пронесся ропот разочарования. Так вот оно, это грозное небесное тело, волновавшее все человечество в продолжении целых месяцев, — вот э т о т невзрачный маленький кружок? Даже без хвоста, который мог бы нагнать страх?

Общее настроение прорвалось в восклицании одного тучного берлинца, насквозь пропитанного пивом.

— Так это я столько времени дрожал перед этакой... дрянью?!

«Этакая дрянь» было почти единодушным приговором, который готова была произнести толпа над возвещенным мировым странником — еще раньше, чем директор снова заговорил. Это настроение слушателей и смех, вызванный этим забавным восклицанием в толпе, побудили директора заговорить совершенно другим тоном, резче и внушительнее.

И отчеканивая каждое слово со всей силой убеждения, он начал рисовать широкую картину того, что ждет на этот раз Землю со стороны этой самой «дряни». На этот раз дело идет не о невинном фейерверке падающих звезд, как бывает, когда маленькая комета пересечет земную орбиту; на этот раз предстоит страшное столкновение, о котором может дать только ничтожное — слабое представление — столкновение двух курьерских поездов, несущихся с величайшей скоростью.

При этом столкновении, которое, вероятно, тотчас же остановит движение Земли, — если бы даже Земля и вынесла самую силу натиска, она должна быть приведена в состояние белого каления, — так огромно будет количество теплоты, вызванное толчком и внезапной остановкой движения.

Его долг — объявить об этом, — сказал директор; он знает, что от него ждали успокоительных речей, новых доводов в пользу неосновательности тревоги — в дополнение к тем,

которыми газеты еще сегодня утром убаюкивали всех. Но его долг перед истиной и наукой — говорить так, как он говорил. Положение очень серьезно, до ужаса серьезно. Если не случится чего-нибудь непредвиденного, то Земле, по его мнению, безусловно нет спасения.

— Я не любитель парадоксов — закончил лектор, — но я мог бы сказать: если Араго когда-то считал вероятность г и б е л ь н о г о столкновения Земли с какой-нибудь кометой равной отношению 1:280 миллионов, — то на этот раз вероятность с ч а с т л и в о г о исхода, возможность с п а с е н и я для населения Земли может быть выражена тем же отношением 1:280 миллионов...

В зале мало-помалу воцарилась мертвая тишина. Толпа сидела, словно обвешанная предчувствием грядущего. Все поняли, что в словах оратора — правда, полная, страшная правда; все почувствовали, что судьба Земли решена. Находились еще, правда, некоторые, цеплявшиеся за соломинку того спасительного «непредвиденного», о котором говорил лектор и которое могло еще предотвратить грозный рок, но привычная беспечность, с которой до сих пор принималась сенсационная весть, приносимая с утра газетами одновременно с кофе, — отлетела безвозвратно.

Толпа обступила лектора, когда он кончил. Все надеялись почерпнуть от него в частной беседе какие-нибудь «неофициальные» сведения, утешительные лично для себя. Но напрасно: старик-директор коротко отделялся от всех осаждающих:

— Я все сказал, что мог и имел сказать, а праздные разговоры об опасности не могут устранить ее.

А когда один из стоявших поближе к нему решился спросить, что же можно сделать, чтобы по крайней мере смягчить грозящий ужас, — глаза старика блеснули из-под нависших белых бровей и он произнес одно только слово:

— Надеяться!..

Когда в зале немного утихло, на кафедре вместо старика-ученого стоял доктор Штейнвег.

— Что еще этому нужно? Кто это? — пронеслось в толпе.

Когда кто-то объяснил, что это главный ассистент при обсерватории, одна дама «средних» лет шепнула своей соседке:

— Ах, это доктор Штейнвег, этот угрюмый старый холостяк! Ну, этот пойдет сейчас предъявлять свои «моральные требования»!..

— Высокоуважаемый предшественник и начальник мой разрешил мне сказать вам, господа, еще несколько слов, и я позволяю себе просить вас уделить мне несколько минут внимания. Тяжелым кошмаром ляжет вам на душу то, что вам пришлось услышать сегодня. Насколько это в силах человеческого знания и человеческой способности предвидения, мы должны признать, что стоим накануне «светопредставления», о котором упоминают пророчества всех культурных народов. Близится день «страшного суда», хотя и в ином виде, чем этого ждут верующие души. Близится конец, назначенный судьбой каждому из нас, — но он наступает одновременно и для многих и многих миллионов других людей. Тщетно стали бы мы искать в этих тенетах, сплетенных роком, дыры, чрез которую мы могли бы ускользнуть; тщетно стали бы мы призывать и молить о спасении современных богов наших — чудодейственные силы техники... ни один из них не поможет! Нет такого быстроходного судна, нет поезда-молнии, который мог бы нас умчать от гибели. Нет и воздушного корабля, который мог бы достигнуть обетованной земли, мимо которой невредимо пронеслось бы космическое бедствие. Вы сокрушаетесь о гибели нашей планеты, о гибели человечества... А я говорю вам: это — не самое худшее, что может нас постигнуть! С нами давно уже случилось худшее...

В толпе некоторые удивленно переглядывались: о чем это он?.. Но оратор продолжал:

— Давно уже души наши погибли в прославленной культуре наших дней! Гораздо хуже этой физической гибели нашего поколения то, что происходит в нас за последние десятилетия все сильнее и неудержимее: гибель всего того, что только и может сделать истинно ценной нашу бедную жизнь, — всего лучшего, за что боролись и страдали благо-

роднейшие умы человечества, что провозглашали и воспевали наши поэты...

— Что за неуместный в наше время идеализм! — воскликнул кто-то в толпе так громко, что оратор услышал.

— В наше время? — повторил он. — Оглянитесь же на наше время! Кто из нас еще вправе сказать о себе, что он сохранил верность своим идеалам? Оглянемся, — что сделала из нас эта безумная погоня за внешним успехом, эта вакханалия карьеризма! Прославленная культура нашей эпохи сделала нас быстроногими, окрылила наше слово, изоштрила наше зрение и слух, дала нам в руки силу овладеть миллионами лошадиных сил с помощью электрической узды, — но она сделала плоским наш ум и опустошила наше сердце. Оглянемся на наше общество с его ужасающей бездной противоречий между «верхами» и «низами»! Друзья мои! Угасающий дух наш мы должны спасти! Если нам суждено погибнуть, погибнем же людьми, достойными этого имени! О нас никто не напишет историю, никто не будет ни судить, ни карать нас, — каждый из нас один будет своим судьей. Земля может рухнуть, но не должно рухнуть наше человеческое достоинство! Превыше пространства и времени, превыше всех преходящих дел и интересов да будет в нас сознание нашей личности, наше божественное, вечное «Я»...

— Довольно! Фразы пустые! Вздор! Довольно! — раздались возбужденные голоса в толпе.

— Не мешайте! Дайте кончить! Тише! — кричали другие.

Толпа начинала разделяться на партии. Послышался свист и шипение...

Вдруг на хорах зала что-то мелькнуло и оттуда полетели в толпу сотни печатных листков.

— Прибавления! — кричало несколько голосов. — В о с т а н и е в Н ь ю - Й о р к е ! Р е в о л ю ц и я в Ч и к а г о !

— Прочесть вслух! Вслух прочесть! — кричали некоторые.

Молодой человек, по виду рабочий, взобрался на стол и начал читать:

«Т е л е г р а м м а и з Н ь ю - Й о р к а :

Сегодня открылся секретный доклад здешней государственной обсерватории! Крушение Земли 3-го сего августа! Неизбежна страшная катастрофа! Вероятная гибель всего существующего! Восстания среди населения! Осада Тамани-Голль! Разгром банков и магазинов! В Чикаго также революция! Всю ночь кровавый бой на улицах! Правительство бессильно! Война всех против всех!»

Словно горящие головни, перебрасываемые ветром со здания на здание, полетел над всеми головами крик:

«Война всех против всех!»

Поднялся невообразимый шум. Все теснились к оратору, обступая его; сжимались кулаки; крики гремели, перекачиваясь, в обширном зале. Лучшие элементы бросились вон из зала.

Д-р Штейнвег стоял не шевелясь и спокойно и твердо обводил глазами бушующую толпу.

Чья-то рука схватила его за плечо.

— Уйдем отсюда, дорогой друг! — обратился к нему старик-директор. — Вы видите, что тут начинается! Тут единичное влияние бессильно! Глупая и безобразная случайность, — эти тревожные слухи из Америки непоправимо испортили все... Но быть может, вам все же удалось пробудить в душе некоторых чутко дремавшую совесть. Во всяком случае, теперь нам с вами тут делать нечего!

.

В общем настроении наступил резкий поворот. Тревожные вести становились все многочисленнее и чаще. Ожидание было еще жутче от того, что приближающегося врага еще не было видно из-за солнечных лучей, скрывавших его.

Современной цивилизации и культуре предстояло показать, сумела ли она переродить первобытные инстинкты человека, — и она показала свое позорное бессилие. Труд всюду замер, несмотря на все меры правительства, не останавливавшегося и перед насилием. Всюду царил мятеж. Люди метались в отчаянных поисках спасения, и одни создавали самые фантастические планы спасения, то ребячески неосуществимые, то заведомо шарлатанские, а другие слепо попадались на любую удочку. Воскресли самые дикие суеверия мрачайших средневековых эпох, хотя и в современной форме, и религиозный экстаз овладел умами с эпидемической силой. «Армия спасения» развила необычайную деятельность. Страховые общества сулили за огромную плату полную безопасность в построенных ими воздушных аппаратах, наполненных чистым гелием и снабженных гондолами, непроницаемыми для воды и недоступными сотрясению...

13-го июля перед самым заходом солнца в Европе в первый раз показалась темная точка впереди слегка заволокнутого облаком солнца. Явление это могло бы быть принято за небольшое частичное затмение, но календари не говорили о предстоящем в этот день затмении.

Люди большими группами толпились на улице, указывая на маленькое круглое пятно. Ведь это и был он, страшный враг, разрушитель!

В уныние пришли и все те, кто еще утешал себя отрицанием самого существования этого злого врага. Сомнений больше не оставалось: он шел неумолимо и неуклонно, и с каждой секундой приближался к земле на двадцать миль!

И по мере того, как росло и увеличивалось пятно впереди солнечного диска, — росли, шагая гигантскими шагами, страх, тревога и отчаяние одних и безумный, безудержный дух разрушения у других.

23-го июля в 5 часов 34 минуты пополудни яркое солнце впервые с о в е р ш е н н о скрылось на мгновение за темным диском «кометы».

III

В маленьком Тюрингенском городке Камбурге у открытого окна мезонина хорошенького дачного домика стояла в сумерках одинокая женская фигура, глядя вниз, на долину реки Сааля.

Не было уже в ее наружности обаяния первой юности, но лицо ее было необычайно привлекательно красивым контрастом больших голубых глаз и темно-каштановых волос, и во всей фигуре ее, окутанной мягкими складками белого платья, было столько одухотворенной красоты, — как будто отблеском внутреннего света была она вся озарена, — что нельзя было пройти мимо нее.

Равнодушным взглядом смотрела она на толпившихся на берегу Сааля людей, точно пригвожденных к Земле и не сводивших глаз с одной точки на небе. Высоко в ясной синеве висела большим темным шаром грозная комета, отчетливо видимая теперь вследствие огромных размеров и кававшаяся теперь повисшей рядом с солнцем.

Ганна Родбах знала значение этого черного силуэта, но лично ей он не был страшен; ей он не враг, а скорее избавитель. Ее врагом была жизнь, та самая жизнь, за которую так крепко держались все и теперь изнывали от отчаяния и страха потерять ее, но которая для нее была только врагом, разрушившим ее лучшие надежды.

От грозной тени на небе мысли и мечты ее обратились к тому, кто избрал себе делом жизни изучение неба и его законов: к д-ру Штейнвегу, к той невозвратной поре, когда он еще был для нее Эрвином, ее первой и единственной молодой любовью...

Быть может, и он в эту самую минуту смотрит — пытливым глазом ученого — вверх на небесное пятно... О, сколько он рассказал бы ей теперь, если бы они гуляли рядом, как когда-то, больше пятнадцати лет тому назад, под усеянным звездами небом по родным лугам!..

Невозвратное прошлое!.. Теперь она понимает, что оба они не были виноваты в происшедшем между ними разры-

ве. Жизнь оказалась сильнее ее! Она окутала ее тысячью чуть видных мелких цепей, которые ограбили у нее счастье. С горечью вспоминала она все хитрости и уловки ее родных, с помощью которых они отдалили от нее любимого человека; легкая горечь вставала в ее душе и против себя самой, за то, что у нее не хватило энергии и решимости отстоять свою любовь и свое счастье.

Он ни разу не видел ее с тех пор, а она видела его единственный раз — несколько времени тому назад, когда она ездила в столицу, чтобы присутствовать на заседании научного общества, в котором он читал доклад по поводу сделанного им открытия. Она сидела в отдаленном укромном уголке зала, откуда могла беспрепятственно наблюдать за ним. Как живо сохранились в этом мужественно-серьезном лице милые юношеские черты, такие знакомые и родные ей, такие любимые! И как ясно ей стало в тот вечер, что сердце ее, несмотря на разрыв, все же и все еще принадлежит ему одному!..

С усилием оторвавшись от своих дум, она обернулась на звук отворяемой двери и, едва сдержав крик испуга, схватилась рукой за сердце.

Среди комнаты стоял он, он сам!

Она замерла на месте, не в силах пошевелиться. Он подошел к ней, взял ее руки в свои и уверенно, крепко, но в то же время и любовно-бережно сжимая их, просто и душевно проговорил:

— Судьба не судила нам прожить жизнь вместе, моя Ганна, дорогая, незабвенная... Но она не может помешать нам... если только ты хочешь...

— ...умереть вместе! — быстро закончила она, и глубокие глаза ее засветились ясным и радостным огнем.

Внизу в долине колыхалась масса людей, возбужденно жестикулируя; то и дело доносились их взволнованные или испуганные восклицания и крики; а наверху у окна, высоко над мятущейся толпой, стояли, крепко обняв друг друга, двое счастливцев, — быть может, единственные на Земле, смотревшие со спокойной душой на грозного врага, темневшего в свете сумерек на небе еще жутче и грознее...

.

Перо отказывается описывать чудовищно-ужасные сцены, разыгрывавшиеся между людьми за несколько часов до столкновения. Воскресли все ужасы былых войн и революций, но в формах еще более разнузданных и жестоких. Как на тонущем корабле с циничным разгулом обнажается ничем не обузданный звериный эгоизм людей — так закипела теперь, но только в сотни, в тысячи раз разнузданнее и свирепее, ожесточенная борьба за существование двуногих зверей, отдавшихся во власть и на волю своих врожденных животных инстинктов. Трусость и жестокость — вот все, что уцелело в душе существа, мнившего себя прекрасным венцом творения.

В безумии борьбы и отчаяния, подхваченные волной разрушения, люди, сознававшие себя обреченными, стихийным ураганом носились по улицам городов и деревень и еще недавно кипучих, крупных, культурных центров: разрушали памятники, осаждали тюрьмы, взрывали динамитом заводы, фабрики, железнодорожные мосты...

А над головами, над всеми дикими и страшными картинами стихийного разгула страстей, неудержимого взрыва отчаяния и ужаса, над реками крови, проливаемой в ожесточении борьбы за призрак спасения, за место в одном из воздушных шаров или аппаратов — повисала все ниже и ниже, вея дуновением неминуемой смерти, зловещая, необозримая черная тень, затянувшая больше половины неба, почти скрывшая солнце...

.

На тихой вышке П.-й обсерватории стоял, как верный часовой, старик-директор, не сводя глаз с своих инструментов.

Он не мог бы оказать, для чего и для кого он следит за этими интересными изменениями в небесной механике.

Но ум, воспитанный на идеалистическом служении чистой науке, и душа сурового рыцаря долго не допускали и мысли покинуть свой пост до последнего мгновения и последнего вздоха. И с привычным спокойствием духа, он педантично, внимательно и добросовестно продолжал свои наблюдения и записи.

А во вселенной совершался глубоко интересный момент. Астрономические пертурбации усложнялись и всевозможными расстройками в области земного шара. Сейсмографы в подвальном этаже обсерватории показывали колебание почвы, эпицентр которого находился, по-видимому, где-то в западном полушарии.

Доктор Штейнвег, такой же строгий и самоотверженный слуга науки и долга, также не хотел покидать свой пост до последнего мгновения, но директор нашел, что у м е р е т ь его долг не здесь.

— Дорогой мой друг! — сказал он ему дня два тому назад, положив ему руку на плечо и глядя на него добрыми глазами старшего любящего брата. — Вы как-то рассказывали мне, почему вы остались одиноки... Ну, вот... в эти тяжкие часы она тоже одна... Поезжайте к ней! Т е п е р ь ваше место там, около нее!

— Оставить вас одного, дорогой, уважаемый друг?

— Ну, ну... что ж делать, когда моя старушка покинула меня рано... Не беспокойтесь обо мне и поезжайте с Богом сразу. В последний раз сыграю роль начальника и отрешу вас *in optima forma** от ваших служебных обязанностей. Ну... я чуть было не сказал: «до свидания»...

Сигнальный звонок вывел директора из раздумья; это была какая-то весть по трансатлантическому телеграфу.

Директор подошел к аппарату. На сматывающейся, автоматически отпечатанной полосе бумаги он прочел следующую депешу, поданную в Нью-Йорке в 8 часов 49 минут 38 секунд утра по американскому времени.

«Г р а н д и о з н ы е в у л к а н и ч е с к и е и з в е р ж е н и я в ц е п и А н д о в. В н о в ь н а ч а л и д е й с т в о

* В наилучшей форме (лат.).

вать сотни давно потухших кратеров. Более подробных сведений пока не имеем».

Директор в раздумьи вторично перечитал телеграмму.

— Земля трепещет в ожидании... — прошептал он про себя с задумчивой и печальной улыбкой.

Медленно и тяжело ползло время под гнетом все ниже нависающей над скорбной Землей темной массы.

Директор снова подошел к телескопу, чтобы еще раз отметить угол склонения кометы. Но едва он взглянул, — из груди его вырвался крик.

С лихорадочной поспешностью начал он набрасывать на бумагу формулы и цифры.

Прошел еще час. Он снова проверил положение кометы и снова принялся за вычисления. Затем одним прыжком очутился у телеграфа.

Старые руки сильно дрожали, когда он взялся за ручку аппарата, — но протелеграфировать ему надо было всего несколько слов.

И только исполнив этот долг, он в изнеможении упал на кресло перед своим письменным столом.

IV

Но вот наступил роковой час... Д-р Штейнвег посмотрел на свой карманный хронометр...

— Еще 34 минуты и 52 секунды, — сказал он Ганне Родбах, стоявшей рядом с ним, плечо к плечу, у окна своей комнаты в мезонине. — Ровно 3 часа!..

— Не смотри больше на часы, милый, — шепнула она. — Время и без того пройдет достаточно быстро... для тебя и для меня и для всех нас...

И с невыразимым ужасом она вглядывалась в чернеющее перед ней и над ней небо. Зловещий круг казался, в силу оптического обмана, полым внутри — и эта полость опускалась все ниже зияющей черной бездной, готовой жадно втянуть в себя трепетную Землю...

Гигантское тело все больше и больше затягивало небо... вот оно совсем затянуло солнце!..

Мертвый, страшный свинцовый свет полного солнечного затмения все окутал собой, делая еще более зловещими последние минуты.

Насыщенная электричеством атмосфера разряжалась нескончаемыми раскатами грома. Ветер выл, сотрясая порывами все на своем пути. Посыпался град огромными частыми льдинами.

Часы на далекой башне показывали 3 часа 34 минуты... обостренное зрение Штейнвега отчетливо различало значки... Еще только несколько секунд...

Огромный черный шар застлал собой все небо и только по окружности его непрерывно сверкали, переливаясь, как северное сияние, короткие, яркие вспышки, точно ореолом окружавшие шар...

— Благодарю тебя еще раз, Эрвин, за то, что ты со мной... Обними меня крепче, любимый!..

Она поцеловала его. Он заглянул ей в глаза долгим, глубоким, скорбным взглядом.

.

Вдруг лицо ее, смертельно бледное в свинцовом сумраке, озарилось светлым лучом...

Что это?.. Прорвавшийся подземный огонь?.. Или пламя из мировых пространств, готовое расплавить, испепелить Землю?..

Нет, это был первый и робкий солнечный луч...

Штейнвег вынул часы... Было 3 часа 37 минут 29 секунд... почти три минуты больше...

Что же это? Ошибка в вычислении? Столкновение произойдет позже?.. Но нет; — сбоку уже снова проглянуло солнце... небо яснее, яснее...

Да что же случилось?!..

Короткая телеграмма, полученная правительством за несколько секунд до ожидаемого столкновения из П.-й обсерватории, содержала всего несколько слов:

«Столкновение избегнуто внезапным отклонением Земли со своей орбиты за несколько часов до катастрофы. Причины неизвестны. В 3 34' 52" «комета» будет уже на расстоянии 100 миль от земли.

О. Б. С е р в а т о р».

Земля была спасена в последний критический миг...

.

В числе пожеланий, принесенных директором своему другу и сотруднику в день его свадьбы, было одно, которое доктор Штейнвег свято исполнил: чтобы расцветшее сердце его осталось верно прежней святыне — науке. Счастье любви, восторжествовавшей почти на обломках всяких надежд, не помешало Штейнвегу отдаться прежним научным трудам, — и уже через несколько недель он представил академии наук свою работу — исследование «О п р и ч и н е несостоявшегося столкновения между кометой 3-го августа и Землей».

Автор доказывал, подтверждая свое мнение подробными вычислениями, что внезапное отклонение Земли от своей орбиты произошло просто под влиянием обратного толчка, произведенного на земной шар внезапным извержением сотен кратеров в цепи Андов. Доклад его заканчивался следующими словами:

«Какое это было блестящее и грандиозное подтверждение извечного закона борьбы за существование! Как во всем живом мире опасность пробуждает к жизни дремлющие силы организма или понуждает их к новой деятельности, — так и мать-Земля наша напрягла в грозный момент борь-

бы за свое существование все свои дремлющие, бесчисленными тысячелетиями накопленные силы, чтобы противопоставить их врагу способом самым простым, но и самым действительным, — и этим обеспечила нашим поколениям возможность дальнейшего развития на новые миллионы лет. Ибо только в безостановочном развитии, в бесконечном строительстве — в э в о л ю ц и и — заключается вся тайна и весь смысл жизни.

Рай — не в п р о ш л о м, а в б у д у щ е м!»

Последняя фраза рукописи была написана женской рукой, — рукой Ганны Штейнвег, для которой эта заключительная мысль была полна не только бодрой философской веры, но и глубокого радостного личного значения.

ШПИОН С МАРСА

— Вот одна из наших вчерашних фотографий Марса, — сказал мистер Ламплэнд, один из ассистентов Флагстафской обсерватории в Аризоне, выходя из темной комнаты и показывая мистеру Лоуэлю, директору обсерватории, только что проявленную пластинку.

— Это первая или вторая? — спросил м-р Лоуэль, осторожно взяв стеклянную пластинку за края и рассматривая ее на свет.

— Первая, но и вторая скоро будет готова, — она уже в ванне, фиксируется.

— Фотограф наш, кажется, мастер своего дела; как вам кажется, м-р Ламплэнд?

— Да, по—видимому. У него много странностей, правда, но с ними можно примириться во внимание к его толковости.

— По-моему, ему превосходно удалось схватить тончайшие световые оттенки. Или вот, — не правда ли, оно яснее и отчетливее вышло, чем на прежних наших пластинках?

— Вы говорите о блуждающем пятне, м-р Лоуэль? — спросил ассистент, тоже пристально всматриваясь в фотографию Марса.

— Ну да, об этом загадочном блуждающем пятне на поверхности Марса, как будто изменяющем с течением времени свой наклон к южному полюсу. Ведь на каждом нашем снимке оно оказывалось на новом месте.

— Будем надеяться, что следующие снимки дадут нам возможность разгадать эту блуждающую загадку. Пока она кажется мне еще необъяснимее каналов, возбуждающих столько споров.

— Не понимаю я упорства тех, кто их отрицает. Достаточно посмотреть на наши фотографии, чтобы исчезло всякое сомнение. Человеческий глаз еще может ошибиться, но фотографическая пластинка не обманет!

Он отдал пластинку ассистенту, который бережно поставил ее для просушки, а сам подошел к гигантскому рефрактору.

— Поправлен ли уже объектив, м-р Ламплэнд?

— Конечно, м-р Лоуэль, — и я думаю, что дальнейшие наши снимки докажут, что введение этих световых фильтров для лучей известной длины волн будет иметь огромное значение в смысле уловления мелких подробностей и большей отчетливости снимков.

— Будем надеяться, что они помогут нам и в разгадке этого блуждающего пятна.

Ассистент вернулся в темную комнату, где работал при слабом свете красного фонаря поступивший накануне на службу фотограф, мистер Феррум.

Это был необычайно хилый юноша, почти мальчик еще. Но при тусклом красном свете лицо его казалось странно старым; кожа, похожая на пергамент, казалась прозрачной и сквозь нее просвечивала сеть кровеносных сосудов. Широкая черная повязка, покрывавшая верхнюю часть его лба, еще усиливала общее отталкивающее впечатление...

Но дело свое он, по-видимому, знал отлично. Ассистент Ламплэнд вынул вторую зафиксированную пластинку из ванны и на минуту отвернул белую лампочку, чтобы рассмотреть ее. Как изумительно ясно выделялась ледяная вершина южного полюса на окружающем ее тускло-сером фоне!

И еще отчетливее, чем на первой пластинке, вырисовывались прямолинейные полосы каналов, среди которых виднелось и загадочное «блуждающее пятно».

Ламплэнд придвинул было пластинку поближе к лампе, чтобы лучше рассмотреть ее, как вдруг огонь потух.

— Что это? — воскликнул ассистент. — Вы, вероятно, нечаянно выключили ток, м-р Феррум?

Мистер Феррум вместо ответа указал ему с крайне испуганным видом на синевато-белые искры, замелькавшие вдруг на стене; в тот же миг послышался треск.

— Короткое замыкание!.. Главный выключатель... скорее!

Оба инстинктивно заспешили к выходу.

Впотьмах м-р Феррум наткнулся на м-ра Ламплэнда, все еще державшего в руках только что вынутую пластинку.

Послышался звон разбитого стекла.

— О, черт возьми!.. Пластинка!.. — воскликнул ассистент. Но в тот же миг по стене темной комнаты, где прежде сверкнули искры, пробились языки пламени, и оба быстро выбежали, чтобы выключить переменный ток и прекратить в самом зародыше возникавший пожар.

На другой день причиненные повреждения без труда удалось поправить и потеря разбившейся пластинки также была возмещена новыми сделанными за ночь снимками.

Первый же из новых снимков обнаружил поразительные подробности. М-р Лоуэль лично присутствовал при проявлении пластинки и тотчас же стал рассматривать ее через лупу. «Блуждающее пятно» также снова оказалось на ней и Лоуэль в первый раз заметил в нем некоторые различия по сравнению с прежними снимками.

Помимо того, что положение его снова изменилось, и на этот раз оно как будто еще ближе подвинулось к южному полюсу Марса, — вблизи загадочного пятна оказалась, вдобавок, отчетливая тень, соответствующая положению солнца и ясно различаемая от самого пятна по своим искаженным очертаниям и менее темной окраске.

Предположить, чтобы это был третий маленький спутник, отличный от шаровидной формы марсовой Луны, представлялось при данном положении вещей неосновательным, — и потому Лоуэль с понятным нетерпением ожидал дальнейших снимков, проявлением которых были заняты м-р Феррум и м-р Ламплэнд.

Феррум был сегодня несколько нервно настроен, и это бросилось в глаза ассистенту, когда он брал у него из рук следующую готовую пластинку, чтобы отнести ее Лоуэлю.

— Что с вами сегодня, мистер Феррум? — спросил он. — У вас так дрожат руки... Неужели вчерашний случай так взволновал вас?

Феррум ничего не ответил, весь поглощенный извлечением следующей пластинки из кассетки. Но новое восклицание ассистента вынудило его прервать свое занятие.

— Наконец-то!.. В этом-то, кажется, и кроется разгадка!.. — возбужденно воскликнул Ламплэнд, направляясь с

драгоценной пластинкой к лестнице, ведущей на обсерваторию.

Оставшись один, Феррум с быстротою молнии заменил приготовленную пластинку другой, а вынутую изрезал алмазом на мелкие осколки, которые он собрал и спрятал.

В это время Лоуэль и его ассистент рассматривали только что полученный снимок. Лоуэль в первое мгновение тоже не мог удержаться от изумленного восклицания.

— Да что же это... мистер Ламплэнд... ведь это больше, чем мы могли мечтать! Ведь это что же выходит? Что «блуждающее пятно» совсем не относится к поверхности Марса, а реет свободно в окружающей ее атмосфере? Но ведь форма его и то обстоятельство, что оно то и дело меняет свое местонахождение, совершенно исключают возможность предположения, что это какой-нибудь новый спутник Марса! Что же это может быть в таком случае?

— Но, мистер Лоуэль... — проговорил ассистент, — что же нам мешает предположить, что это блуждающее пятно — произведение рук разумных существ? Ведь недавними нашими фотографиями Марса мы уже бесспорно доказали действительное существование каналов на нем, хотя мы их и должны признать скорее растительными зонами, чем водными артериями, но правильное расположение этих каналов и практическое устройство сети их свидетельствуют во всяком случае об их искусственном происхождении от мыслящих существ...

— Ну, и что же?... — нетерпеливо перебил его Лоуэль.

— А то, — продолжал взволнованно ассистент, — что если эти гигантские каналы — дело рук человекоподобных существ, населяющих Марс, то почему бы и это странное пятно-бродяга не могло быть каким-нибудь искусственным сооружением обитателей Марса, витающим в атмосфере? — например, метеорологической станцией, укрепленной наподобие наших привязных воздушных шаров?

— Каких же колоссальных размеров должна была бы быть эта станция, если она видна нам в телескоп в виде пятна такой величины?! Кроме того, мне показалось, что это пятно становится на фотографиях все больше и боль-

ше, как будто бы оно с большой быстротой постепенно удаляется от Марса.

— Совершенно верно! Этот снимок и свидетельствует нам с большой вероятностью, что это должно быть не что-то, парящее в атмосфере Марса. Я надеюсь, что последний снимок, который Феррум проявляет теперь, еще больше подтвердит мою гипотезу.

И не ожидая нового ответа, ассистент поспешно направился в темную комнату.

— Ну что, мистер Феррум, — сказал он, входя, — проявили вы уже последний снимок?

— Проявляю... — странно беззвучным тоном ответил тот, — только... не знаю, мистер Ламплэнд... достаточно ли выдержана была пластинка? Не проявляется на этот раз почему-то... Вот, взгляните сами, пожалуйста...

И он протянул ассистенту ванну с лежавшей в ней пластинкой.

Ламплэнд начал так энергично потряхивать ванну, что жидкость выплескивалась через края.

— Ничего еще не видно! — тоном сильного изумления воскликнул он. — Странно... Да как же это возможно? Ведь мы выдерживали ее столько же времени, сколько всегда? Свежая ли у вас жидкость, м-р Феррум? Не следует ли переменить? Может быть, оттого так долго?..

— Я переменил уже раз. Попробую еще прибавить немного аммиака...

— Да, да, мистер Феррум, сделайте это. Этот снимок нам особенно важен! — воскликнул ассистент и вдруг, посмотрев на руки фотографа, прибавил: — Скажите, м-р Феррум, вы всегда работаете в резиновых перчатках? Я еще вчера заметил и хотел спросить вас...

— Всегда, м-р Ламплэнд. У меня пальцы больные... давно уже повредил их при работе.

— Вот как... ну, что ж. Так уж вы постарайтесь, пожалуйста, — сделайте все, что будет возможно, чтобы спасти пластинку. Мы напали на след нового открытия в атмосфере Марса, и именно этот последний снимок обещает нам очень важные разъяснения...

К сожалению, однако, никакими усилиями не удалось проявить на пластинке ни следа какого-либо изображения. С этой вестью Ламплэнд снова поднялся через некоторое время на вышку обсерватории. Как ни досадна была эта неудача, объяснения которой никак не могли найти ни Лоуэль, ни Ламплэнд, все же ассистент не мог не отдать должной справедливости научным знаниям и технической сноровке, обнаруженным новым фотографом. Не менее десяти-двенадцати совершенно новых опытов и приемов применил он, стараясь вызвать на свет Божий изображение «недодержанной» пластинки.

Солнце склонялось к закату и мистер Лоуэль распорядился приготовить все для нового ряда снимков с Марса.

В этот вечер «блуждающее пятно» было менее ясно видно вследствие неблагоприятного распределения света на Марсе; но все же атмосфера Марса была так прозрачна, что, ввиду уже имеющихся ранее сделанных снимков, эта ночь сулила много необычайно важных открытий.

Лоуэлю понадобилось отлучиться на время с вышки обсерватории, и Ламплэнд, оставшись один, принялся наблюдать в небольшой телескоп небесный свод, чтобы сделать кой-какие записи.

В высоком сводчатом помещении обсерватории было совершенно тихо и темно; чуть слышно тикали только секундные часы.

Ламплэнд долго пробыл в одном положении, припав глазом к стеклу телескопа, как вдруг ему послышался какой-то шум. Оторвавшись от инструмента и выпрямившись, он напряг слух и начал пристально вглядываться во мрак; но нигде вокруг не видно и не слышно было ничего. Ламплэнд решил, что ему показалось, но для большей уверенности все же отвернул на минуту запасную электрическую лампочку.

Нигде не видно и не слышно было ничего.

Прошло несколько минут; вдруг ему снова почудилось, что в одном из углов темного помещения блеснула какая-то тускло светящаяся точка, похожая на отливающий фосфорическим светом глаз ночного хищника. Но когда он по-

смотрел пристальнее, чтобы разглядеть, что именно светится там, явление не повторилось. Уверенный, что у него просто расходились возбужденные нервы и разозлившись на самого себя, он отошел от телескопа и направился к большому рефрактору, чтобы установить его для новых фотографических снимков с Марса.

Приложив глаз к окуляру гигантского инструмента, он увидел, что все поле зрения затянуто туманной пеленой.

В эту минуту вошел мистер Лоуэль.

— Готово? Установили? — спросил он.

— Нет еще... Посмотрите-ка, мистер Лоуэль. Все поле зрения перед рефрактором застлано чем-то... что бы это могло быть? Ведь атмосфера совершенно чиста и прозрачна?

Лоуэль посмотрел сначала в окуляр большого рефрактора, потом в установленную на той же подставке небольшую подзорную трубу: поле зрения перед стеклами трубы было совершенно чисто и прозрачно!

— Что же это значит? — спросил ассистент. — Может быть, объектив затуманился от каких-нибудь причин, — от осадков ли, или от насевшей с той стороны пыли?

Лоуэль ничего еще не успел ответить, как вдруг оба почувствовали в воздухе странный, резкий кисловатый запах, несшийся откуда-то вблизи рефрактора.

Озадаченный непонятным потускнением стекла рефрактора, Ламплэнд, не останавливаясь на причинах внезапно распространившегося запаха, хотел снова нагнуться к окуляру, как вдруг раздался страшный взрыв, силой которого оба были далеко отброшены...

И падая, оба успели заметить, при свете вспыхнувшей молнии, сопровождавшей взрыв, мелькнувшее на миг иссиня-бледное, почти бесплотное, искаженное злобным торжеством лицо... мистера Феррума!..

На голове его не было обычной повязки — и перед изумленными, испуганными глазами обоих ученых предстало на миг никогда не виданное на земле явление: на лбу у мистера Феррума, кроме пары глаз, как у всякого нормально-го человека, зиял посередине третий глаз!.. И когда вспышка потухла, сквозь воцарившийся снова глубокий мрак этот

третий глаз жутко светился зеленым фосфорическим светом...

Что же это было за странное, загадочное существо?

Оглушенные взрывом и сильно испуганные, Лоуэль и Ламплэнд лежали несколько минут без сознания на полу. Первым пришел в себя Лоуэль и тотчас бросился к выключателю, чтобы отвернуть электрический свет. Через мгновение оправился и Ламплэнд, Лоуэль слышал по звуку, что он поднимается с полу; но в тот же миг впотьмах перед ним промелькнула фигура ассистента, устремившегося в угол, где тусклым светом мерцала какая-то точка.

Дрожащие руки плохо повиновались ему и долго не могли нащупать выключатель. Из угла до него доносился шум ожесточенной борьбы и чей-то стон. Наконец он нашел выключатель, повернул его... но электричество не вспыхнуло!

— Помогите! — хрипло крикнул Ламплэнд.

Мистер Лоуэль бросился на крик.

— Сюда! Мистер Лоуэль... сюда! Он у меня в руках!..

Лоуэль подбежал и впотьмах схватил наудачу какое-то тело, начавшееся извиваться в его руках быстро и ловко, как угорь. Схватить его твердо Лоуэлю еще не удавалось, но он все же довольно цепко удерживал его в руках, как вдруг внезапный громкий крик Ламплэнда отвлек его внимание и, воспользовавшись этим мгновением, добыча выскользнула у него из рук.

Только теперь вспомнил Лоуэль о маленькой запасной лампочке, получающей ток от отдельного аккумулятора, которой пользовались для записей астрономических наблюдений.

В два прыжка он очутился около нее — и через секунду лампочка вспыхнула.

В комнате не было никого, кроме него и Ламплэнда, придерживавшего левой рукой правую руку, вывихнутую во время борьбы.

Оба оглянулись прежде всего на большой рефрактор. Силой взрыва всю нижнюю часть его, с окуляром, снесло начисто. К счастью, дорогое стекло объектива, по-видимому, уцелело невредимым.

— Что это такое? Кто может быть этот злоумышленник и откуда он взялся? Как мог произойти взрыв изнутри рефрактора? — взволнованно сыпал Лоуэль вопрос за вопросом.

В эту минуту на вышку обсерватории прибежали несколько слуг, привлеченные шумом.

— Принесите огня! — приказал им Лоуэль.

— И позовите мистера Феррума! — прибавил Ламплэнд.

Несколько слуг вскоре прибежали со свечами, а один вернулся с докладом, что мистера Феррума нет в его комнате и из вещей его там лежат одни его резиновые перчатки.

— Принесите их сейчас сюда! — приказал Ламплэнд, не переставая потирать сильно болевшую поврежденную правую руку.

— И поищите хорошенько мистера Феррума по всем углам! — крикнул им вдогонку Лоуэль.

— Мы и следа его нигде не найдем... — проговорил Ламплэнд, когда слуги исчезли.

Лоуэль удивленно посмотрел на него, но спросить ничего не успел, так как вошел посланный за перчатками слуга.

— Так и есть... мое подозрение не обмануло меня! — воскликнул ассистент. — Сегодня вечером, когда мы готовили фотографический аппарат для новых снимков в телескоп, в душу мне вдруг закралось почему-то подозрение к этому мистеру Ферруму. Не могу даже объяснить хорошенько, почему, — но мне вдруг пришло в голову, что он не тот, за кого он себя выдает. После этого его поразительные знания в области химии и чистой фотографии показались мне еще подозрительнее. И вдруг меня, как молния, озарила мысль, что все случайности последних дней странным образом связаны между собой, как звенья единой цепи: внезапное короткое замыкание, происшедшее вчера, в тот самый миг, когда я собирался подробнее рассмотреть блуждающее пятно, и внезапная порча впотьмах и в замешательстве снимка; потом сегодняшняя странная пластинка, на которой не проявилось ни одной черточки... и наконец, вот эти перчатки, которые он носил, не снимая..

Ламплэнд передал перчатки Лоуэлю.

— Посмотрите: по виду обыкновенные перчатки, с нормальными пятью пальцами, но мизинцы в обоих, как видите, искусственные, набитые...

Остолбеневший Лоуэль растерянно щупал перчатки.

— В самом деле, — пробормотал он, — мизинец и в той, и в другой искусственный!

— В том то и дело! — возбужденно воскликнул Ламплэнд. — У него по четыре пальца на руках; такой породы людей у нас на земле нет. Вспомните его странную наружность, — эту голову старика на хилом теле ребенка; вспомните, как он волновался все больше и больше по мере того, как мы получали все более и более удачные снимки с Марса, — и вы, наверное, тоже придете к заключению, что взрыв несомненно произведен им. По-видимому, он улучил минуту, когда нас обоих не было здесь, и положил внутрь рефрактора бомбу, фитиль которой был рассчитан так, чтобы взрыв произошел ночью и разрушил до основания драгоценный инструмент, а может быть, в его замыслы входило также, чтобы и мы с вами погибли при этом.

Если мы вспомним и взвесим все это, то, принимая во внимание поговорку древних римлян: «злоумышляет тот, кому это выгодно», — нам останется предположить, что мистер Феррум — не человек, а... ш п и о н с М а р с а!

Лоуэль раздумчиво покачал головой и, видимо, собрался что-то возразить, но вошел слуга, — тот самый, который нашел перчатки Феррума, — и подал ему осколок стекла, который он нашел на полу, в углу, при уборке темной комнаты.

Бросив беглый взгляд на осколок, оказавшийся частью разбившегося негатива, Ламплэнд воскликнул:

— Вот вам, мистер Лоуэль, последняя посылка в силлогизме моей догадки! Этот осколок — остаток нашего вчерашнего снимка, разбившегося во время происшедшего короткого замыкания тока. Момент для снимка выдался в тот раз необычайно благоприятный: по счастливой случайности, солнце отбрасывало от этого таинственного тела, реющего в атмосфере Марса, такую гигантскую тень на бе-

лоснежную вершину полюса, которая дала нам материал для совершенно новой догадки. Теперь после всего происшедшего, вы согласитесь, я думаю, с моей гипотезой о том, чем может быть это загадочное «блуждающее пятно», и поймете, почему самозванный мистер Феррум, — очевидно, уполномоченный от своей родной планеты, — делал все, что мог, чтобы сначала рассмотреть наши наблюдения над Марсом, потом создать нам затруднения в наших работах и, наконец, поставить нас в невозможность продолжать их, — по крайней мере, на время.

Мистер Лоуэль задумчиво кивнул головой и серьезно проговорил:

— Во всем случившемся мне еще многое неясно и непонятно. Но загадка «блуждающего пятна» несомненно разгадана: эта предательская тень своими непомерно увеличенными и вытянутыми очертаниями несомненно показала нам очертания г и г а н т с к о г о л е т а т е л ь н о г о а п п а р а т а, неуклонно и безостановочно стремящегося к одной цели: к нашей земле!

МАШИНА ВРЕМЕНИ

I

— Здравствуй, Пьер!

— Моя Жанна!.. Ты?.. Как ты попала сюда, в это мрачное царство Плутона?!

— Решилась спуститься, как видишь, в твою подземную пещеру! Что же делать, если иначе тебя не увидишь, злой! Мама в совершенном отчаянии, — говорит, что ты уже два дня не ешь и не спишь из-за этого старого чудовища...

— Как ты непочтительно говоришь об этой машине! А ведь она знаешь откуда ко мне попала? Прямохонько с морского дна!

— Ну, Пьер... Я ничего не понимаю в твоих машинах, но ведь я все же не маленькая.

— Да нет, серьезно, дорогая! Прямо со дна океана, водяные и русалки там ездили на ней, как на велосипеде...

— Какие глупости, Пьер... Это, наконец, даже обидно!..

И тоненькая, изящная, чернокудрая и темноглазая девушка-южанка нахмурилась и надула губы.

— Ну, не сердись, крошка... Отчего не пошутить? Но что она с морского дна, это — все-таки правда!

Высокий белокурый молодой человек в два-три прыжка ловко перескочил через странную машину и, подойдя к девушке, обнял ее за талию, просительно заглянул ей в глаза и быстро поцеловал ее прямо в надутые губы.

— Мама не рассказывала тебе ее историю? — спросил он, подводя девушку поближе к машине. — Ее прислал мне брат — Андре. Ты знаешь ведь, что он занят теперь работами по подъему недавно затонувшего в канале парохода «Юнона». Во время водолазных работ он нашел неподалеку от судна вот эту машину, похожую не то на велосипед, не то на ткацкий станок, зарытую в грунт почти до самого верха. Никто там не мог определить ее назначения, да никто особенно и не заинтересовался; он и вздумал прислать ее мне, зная мою слабость ко всяким аппаратам. И видишь, как мне удалось очистить ее? Она была вся почерневшая и грязная, — а теперь смотри, как сверкают никелевые ручки, и

штанги, и винты... в особенности вот эти части из слоновой кости и из какого-то прозрачного вещества...

— В том-то и дело, что не стекло! Посмотри, как все эти части сверкают переливами! Право, кажется, что они сотканы из лучей солнца, а не сделаны из плотного земного вещества!

— Что же это за диковинная машина, Пьер?

— Если б я это знал, дорогая, я не торчал бы здесь в старой кузне, а давно, с самого утра помчался бы к тебе на встречу! Я ведь знал от мамы, что ты будешь сегодня, и дорога ведь одна, по Дордонскому побережью до нашего деревянного моста. Но сколько я ни ломаю голову, — не могу додуматься! Я уж решил было сделать с нее чертеж и послать в редакцию журнала «Наука», — не разберут ли там...

— Но ты говоришь, что она похожа на велосипед?

— И на ткацкий станок. Вот, смотри — сиденье, как будто велосипедное седло; а колес нет и, как видно по конструкции, и не было.

— А ты не попробовал еще, едет ли она?

— Нет крошка, надо же мне прежде разобраться во всех этих винтах и рычагах и уяснить себе общее строение машины. Предназначалась же она для чего-нибудь, черт возьми! — Перед самым приходом твоим у меня было мелькнула мысль, что эта загадочная машина — гондола какого-нибудь современного управляемого аэростата. Место нахождения ее, седло и бесколесный остов как будто подтверждают это предположение, но другие данные опровергают его: во-первых, нет мотора и нельзя думать, что он вывалился при падении, потому что тогда он взорвался бы, и от взрыва пострадали бы какие-нибудь части; а во-вторых, вся конструкция слишком сложна и утонченна: этот дремучий лес валов и штанг, эти сверкающие хрустальные...

— Знаешь что, Пьер?.. Я тогда лучше уйду, и...

— Почему, моя крошка дорогая? — удивленно и озабоченно спросил Пьер, снова обнимая ее за талию.

— Да потому, что ты еще много дней, наверное, будешь ломать голову над этой «штукой»... Она поглощает тебя всего... так уж до невесты ли тут!..

— Нет, нет, моя Жанна, — обещаю тебе...

— Не надо обещаний, Пьер... Я ведь знаю тебя! Лучше вот что: хочешь послушать мой совет? Не изучение, а опыт — самый короткий и верный путь. Не ломай дальше голову, а садись на седло и попробуй, сдвинешь ли ты эту «штуку» с места...

— Повинуюсь, крошка моя!

И одним ловким прыжком Пьер очутился на седле.

— Вот! А дальше что? Приказывай же, дорогая!

Жанна звонко расхохоталась, увидя своего Пьера на этом смешном эшафоте.

— Постой-ка! Вот какой-то рычаг, как раз на расстоянии вытянутой руки... А дальше — я не знаю, что и посоветовать тебе...

И Пьер взялся за едва заметную рукоятку и повернул ее до самого конца полукруга...

Что-то сильно щелкнуло и отдалось гулом по всей старой кузне в глубине Дордонской долины. Пронесся страшный вихрь... Жанна вскрикнула так пронзительно и ужасно, что крик донесся до тихого дачного домика на краю долины, где жила старушка-мать Пьера, — вскрикнула и упала без чувств среди кузни.

* * *

Все население маленького южно-французского городка было ошеломлено необычайным и непостижимым исчезновением Пьера Мориньяка. Единственная свидетельница события, невеста молодого человека, Жанна Доверн, была так потрясена, что и придя в сознание, не могла объяснить происшедшего сколько-нибудь понятно и правдоподобно.

Явился и мэр города; был составлен протокол, была обыскана вся пещера, в которой помещалась старая кузня, — нигде не было найдено ни одного следа, по которому можно было бы добраться до объяснения. А рассказ бедной де-

вушки явно свидетельствовал о том, что она принимает за действительность какую-то злую галлюцинацию.

Рыдая, она рассказывала какую-то невероятную сказку о том, как Пьер вскочил на седло неведомой машины и, тронув какой-то рычаг впереди, стал на ее глазах светлеть и таять... просвечивать... и, наконец, исчез — словно испарился... На том месте, где только что был Пьер и целое чудовище-машина, блеснули только еще раз металлические части, поднялся сильный ветер, за клубилась туча пыли — и... и... девушка помнила только, что вскрикнула и затем потеряла сознание.

Страшное событие взволновало весь городок, и к вечеру того же дня телеграммы агентства Гаваса разнесли весть о нем по всему миру. Газеты на все лады толковали, каждая по-своему, душевное или нервное состояние, которым могла быть вызвана галлюцинация единственной свидетельницы происшествия — m-lle Доверн, и изощрялись в догадках о действительном характере события. Было высказано предположение, что Мариньяк «просто» совершил полет на каком-нибудь аппарате, построенном по принципу «тяжелее воздуха»; но эта попытка «простого» объяснения никого не удовлетворяла, так как факт таинственного исчезновения Мориньяка оставался все же непонятным.

Но следующему дню суждено было сделать это событие еще более сенсационным.

В маленьком дачном особняке на берегу Дордоны, где томились убитые горем старуха-мать и невеста исчезнувшего Пьера, была получена странная и неожиданная телеграмма из Лондона:

«Пьер Мориньяк исчез на машине, описанной мною в моей книге «Машина времени». Не теряйте надежды и веры!»

Г. Д ж. У э л ь с .

И почти в то же самое время, подобная же телеграмма была получена в редакции «Ежедневного Обозрения», откуда распространилась по всему миру:

«Исчезновение Пьера Мориньяка произошло буквально так, как рассказала Жанна Доверн. Он унесся в даль времен на «машине времени». Подробные сведения о ней можно найти в моей книге: «Машина времени». Таким образом, вопреки предположению, высказанному мною в главе XVI этой книги, машина путешественника по дали времен все же нашлась, хотя и без самого путешественника; но каким образом она очутилась на дне канала, — это, вероятно, останется навеки загадкой.

Г. Дж. Уэльс».

— На м а ш и н е в р е м е н и?.. — раздались со всех сторон взволнованные и недоумевающие вопросы.

Да, оказывается, есть такая машина, — это не сказка. Это — машина, так волшебным образом построена, что сидящий на ней может поехать в даль времен, т. е. в прошлое или в будущее.

Дело в том, что гениальный творец и конструктор этой машины рассматривает время, как давно и страстно искомое четвертое измерение пространства, — и как свободно мы до сих пор двигались, с помощью обыкновенных наших средств сообщения, в пространстве, так движется он на своей машине в о в р е м е н и. Он может, следовательно, умчаться из своей эпохи в другие, пролететь по минувшим или грядущим годам, десятилетиям, векам и тысячелетиям.

Такова сущность; подробности же нет надобности излагать, так как всякий интересующийся может найти их в названной книге Уэльса.

Итак, Пьер Мориньяк исчез на «машине времени»; но куда он девался, вернется ли и будет ли иметь возмож-

ность вернуться, — эти вопросы не могли не волновать общество и прессу.

А старушка-мать Пьера то и дело разворачивала телеграмму мистера Уэльса и шептала, глядя с мольбой на Жанну:

«Не теряйте надежды и веры!»

— Да, да, дорогая мама! — ободрительно восклицала девушка, целуя старуху. — Любовь даст нам силы и надеяться, и верить!

II

Что же, однако, случилось с Пьером? Действительно ли он мчался в даль времен?

Этого он и сам, вероятно, не мог бы сказать, — по крайней мере, в первые мгновения.

Он чувствовал только, что несется с безумной, невероятной скоростью, так что ему пришлось крепко держаться за машину, чтобы не свалиться. И при этом во всем организме было такое ощущение, точно он мчится не вперед, а падает в страшную бездонную пропасть.

Кругом — серый непроницаемый мрак.

Где же он? Что с ним произошло? Где его Жанна?

Сам ли он движется с этой дух захватывающей быстротой, или все в безумном беге мчится перед ним? Не попытаться ли соскочить с седла на лету?

Но он чувствовал, что это была бы неминуемая смерть — при таком стремительном движении, о котором он мог догадываться по тому, как стучало у него в висках и как жужжало в ушах от ветра.

Ясно, что надо, прежде всего, остановить машину. Но как это сделать? Нащупать рычаг ему никак не удавалось, а рассмотреть ничего невозможно было во мраке. К счастью, спички у него оказались с собой. Охватив крепче ногами машину, чтобы не свалиться, отняв от нее обе руки, он осторожно зажег спичку и, освещая машину на лету одной ру-

кой и в то же время нащупывая другой, он нашел, наконец, рычаг — и тихо, медленно, осторожно начал поворачивать его в противоположную сторону.

Расчет оказался верен: машина замедлила ход, жужжание ветра ослабело, — и вдруг серый мрак прорезало полоской света.

Пьер оглянулся назад, — свет шел сзади, из входного отверстия пещеры, сквозь которое виднелось восходящее солнце... Но как же это возможно? Когда Жанна вошла к нему в кузню, было уже за полдень! Пьер взглянул на часы, — было 7 часов!

Какие-то тени заслонили на миг солнце, снова потемнело, но вскоре опять прояснилось, и Пьер, чтобы проверить, еще раз взглянул на часы: стрелки стояли на 5 часах!

Да что же это такое? Часы как будто идут назад — и не идут, а бегут... И чудится какая-то непонятная связь между машиной и временем дня... Тени снова на миг заслонили свет, и вслед за тем часы показали 8!

Ничего другого не оставалось, как продолжать поворачивать рычаг до остановки. На маленьком циферблате, который заметил Пьер при свете, три стрелки из четырех стояли неподвижно, двигалась еще одна только четвертая, но вот остановилась и она, и в тот же миг остановилась и машина.

Пьер осторожно сошел на землю. Несколько минут он боролся с чувством, похожим на приступ морской болезни, но скоро оправился, и тогда, оглянувшись кругом, увидел себя в той же пещере, где была его кузня.

Но что случилось с знакомыми, родными местами? Все было неузнаваемо вокруг... Пещера была, несомненно, та же, но кузни в ней не было и следа! Все так же высился у края долины знакомый холм, — но он был пуст...

Куда же девался родной очаг, домик на холме, в котором он оставил старушку-мать?

Его кольнуло тоскливое чувство, — острое, как физическая боль, и вслед за ним его пронизало сильное, на этот раз, несомненно, физическое чувство холода.

Обогнув выступ пещеры, так что перед ним развернулась вся местность, он вздрогнул и отшатнулся: перед ним заискрилось и заискрилось, чуть не ослепив его, целое море стекла... Стекла? Откуда?..

Но нет, — это льдины... Это ледники, глетчеры!

Что же это за дьявольское наваждение! Глетчеры на его родине, на благодатном юге?! Значит, он не дома, а где-то в безвестном далеком краю? Но нет, — вон течет родная Дордона, каждая извилина ее русла знакома ему с детства!..

.

Придя в себя от ощущения странной тяжести на плече и чьего-то горячего дыхания на своей щеке, Пьер увидел над собой что-то огромное, мохнатое, страшное — и, ничего еще хорошенько не сообразив, вытащил свой карманный нож и ударил им в чудовище. Но тотчас же почувствовал, что короткий и тонкий клинок едва коснулся, сквозь мохнатую шерсть, кожи чудовища.

С пронзительным криком Пьер бросился было бежать: перед ним был... медведь! Огромный бурый пещерный медведь... Но зверь, раздраженный толчком и криком, заревел и охватил его передними лапами... Пасть чудовища с оскаленными огромными зубами склонялась над ним все ближе... Вот она уже коснулась шеи... Обессиленный, обезумевший от ужаса, Пьер уже не помышлял о борьбе, — как вдруг... что-то блестящее и острое просвистало над самым его ухом и в тот же миг послышался крик, похожий на воинственный клич дикаря.

Страшное объятие ослабело, — метко пущенная кем-то стрела впилась в тело чудовища, — кровь хлынула из его пасти, — с диким ревом он обернулся, выпустив Пьера, чтобы броситься на нового врага, но в же миг новая стрела попала в сердце зверя и, яростно оскалив в последний раз свою пасть, зверь грохнулся всей необъятной тушей на льдины.

Собирая все силы, чтобы не лишиться чувств от волнения, Пьер оглядывался вокруг, стараясь понять, откуда пришло опасение, — и увидел у входа в пещеру полуголое существо, опоясанное шкурой и с головой, густо заросшей черными, курчавыми волосами, и бородой.

Спаситель его оказался не один. У входа в пещеру скоро собралось несколько таких же существ, которые хлопотливо и озабоченно принялись вытаскивать и затем потрошить медведя.

Итак, он попал в страну дикарей, — думал Пьер. Но как же так? Веселая и шумная Дордона, пещера и холмы, окружавшие долину, не оставляли сомнений в том, что это была все та же его родная страна, его родной городок; откуда же эти дикари?

Пьер начал присматриваться к существам, потрошившим медведя, и был, прежде всего, поражен чудовищной величиной зверя, перед которым наш полярный медведь показался бы некрупной собакой; потом он рассмотрел, что ножи и топоры, которыми работали дикари, были из нефрита; наконечники стрел были каменные; потом, когда Пьер увидел, как эти богатыри трудились в поте лица, добывая огонь путем долгого сверления заостренным, отполированным шестом в отверстии бревна — Пьера осенила умопомрачающая догадка:

Э т о б ы л и л ю д и к а м е н н о г о п е р и о д а !

Вот куда перенесла его изумительная, загадочная машина! Он летел не в п р о с т р а н с т в е , а в о в р е м е н и — и на протяжении целых столетий, тысячелетий! То, что пытливая наука восстановила по скудным остаткам, затрачивая бездну гения и труда, — Пьер увидел лицом к лицу, в виде цельной, живой и конкретной картины.

Голова пошла у него кругом. Открытие было так сказочно и так жутко, что Пьер начинал думать, что все это он видит во сне или в бреду. Но дальнейшие события скоро доказали, что перед ним несомненная живая действительность.

На группу дикарей, мирно пиروвавших за необъятными кусками жареного медведя, — с которыми Пьер успел

подружиться после того, как развел им вмиг костер с помощью спички, — на насытившихся и весело плясавших вокруг костра богатырей напала кучка других дикарей, — так внезапно и беспорядочно, как только и делались набеги в первобытную эпоху полужвериными существами, гонимыми борьбой за существование.

И в самом непродолжительном времени прежние хозяева пира оказались перебитыми, и с ликующими криками победители набросились на дымившиеся еще куски медвежьего мяса. В числе павших был и Пьер, свалившийся от удара каменным молотком по голове...

III

Но Пьер не был убит, а только оглушен сильным ударом. Очнулся он от страшной боли в плече и, подняв с усилием руку, провел ею по больному месту: оно было клейкое на ощупь, и пальцы оказались в крови.

Это разом прояснило его сознание, и, вспомнив все, он быстро оглянулся, чтобы уяснить себе настоящее положение. Солнце уже стояло высоко на небе; вокруг валялись тела убитых, а в некотором отдалении, у пылавшего по-прежнему костра, сидели его враги.

Бежать!.. Ничего другого не оставалось в его положении. Добежать как-нибудь до оставшейся в пещере машины и улететь... куда-нибудь!

Но как это сделать, чтобы не быть замеченным? Опираясь на руки и осторожно двигая коленями, чтобы встать на четвереньки, Пьер увидел, что группа вокруг костра зашевелилась и рассеялась...

Быстро бросившись снова лицом в песок и притворившись мертвым, Пьер увидел, скосив глаза, что победители обходят недавнее поле битвы, отрубая каменными топорами головы у валявшихся трупов. Еще мгновение — Пьер почувствовал у самой шеи своей горячее дыхание... Страшным напряжением сил, удесятеренным сознанием неминуе-

мой смертельной опасности, Пьер вскочил, толкнул опешившего врага и побежал к пещере.

Чувствуя за собой погоню, слыша топот множества ног и адские крики и вой, Пьер добежал, не помня себя, до машины, — сам не зная как, мигом нашел рычаг, и... занесенные над ним топоры исчезли из глаз, снова замелькали смутные серые тени, снова все существо его охватило ощущение стремительного неудержимого падения в бездонную пропасть...

.

Обессиленный всем пережитым, Пьер не мог долго вынести этой безумной скачки в неизвестное, — быть может, на новые опасности, — и решил остановиться, передохнуть, и, куда бы он снова ни попал, заняться прежде всего осмотром машины.

На мгновение его смутил глухой треск, раздавшийся в машине, когда он быстро и с силой повернул рычаг, — но задумываться над этим не было времени, ни сил. Увидев себя снова в пещере, Пьер, успокоенный и довольный, сошел с машины и выглянул, чтобы уяснить себе, куда он попал.

Из входного отверстия пещеры струился голубоватый свет... Пьер вышел.

Мириадами очей глянула на него ночь... Звездная ночь первобытной эпохи.... Стараясь ориентироваться, Пьер начал отыскивать глазами Полярную звезду, но ее не было на этом странном, незнакомом небосклоне, усеянном тучами никогда не виданных звезд и созвездий.

Погасли звезды. Яркое и жаркое встало из-за горизонта солнце, осветив сказочно прекрасную картину тропической природы... Где же, однако, человек среди всего этого ослепительного великолепия? Но человека не было... На него шло, вооруженное стволом гигантского дерева, загадоч-

ное существо, похожее на огромную обезьяну, но двигавшееся на двух ногах...

Да это... *Pithecantropos*!..

О, нет... Прочь, прочь отсюда, от всей этой роскоши веков загадочно-былых!..

.

Но машина не трогалась с места: убегая от преследования, Пьер второпях сломал ручку рычага. Никакие усилия, никакие ухищрения не могли ее сдвинуть с места. Оставалось сойти с седла и осмотреть машину, — быть может, удастся найти или придумать какую-нибудь замену сломанной рукоятке.

Осматривая при свете спичек каждую точку машины, Пьер заметил на противоположной ее стороне другой рычаг с ручкой, очень похожей на первую, но загнутой в обратную сторону.

В положении Пьера долго раздумывать не приходилось, надо было слепо пробовать. И Пьер сел на седло и, соответственно изгибу ручки, повернул новый рычаг в противоположную сторону, замирая от страха в ожидании неведомого результата. Но особенного ничего не случилось.

Машина по-прежнему взвилась, не дрогнув, и с прежней головокружительной быстротой помчала Пьера в неведомую даль. Но через несколько мгновений он почувствовал, что в самом движении должна быть разница, — потому что не было прежнего чувства падения в бездну, — наоборот: он чувствовал, что несется с страшной силой вверх, ввысь...

Куда же несет его теперь загадочная машина?

Уменьшив поворотом рычага быстроту движения и снова стиснув крепко ногами машину, Пьер начал зажигать спичку за спичкой и при свете их рассматривать доступные ему с места части машины. Первое, что ему бросилось в глаза, было то, что и стрелки циферблата, — по которому,

очевидно, можно было регулировать движение, если бы разгадать его таинственный шифр, — тоже двигались теперь в обратном направлении.

Но в таком случае... в таком случае он летит теперь не в прошлое, а — в будущее!

О, если бы понимать немой язык этих друзей — маленьких, но таких огромных по своему значению, цифр путевода-теля-циферблата!..

.

IV

В глубокой тоске бродила Жанна Доверн по старой кузне в пещере, снова и снова оглядывая каждый уголок и вспоминая, как она сама обрекла своего Пьера на это страшное, загадочное исчезновение.

Вдруг в полумраке пещеры что-то мелькнуло, заколыхалось... и в смутных, призрачных очертаниях перед ней мелькнул на миг дорогой образ... Короткий миг — и видение снова исчезло.

— Пьер! — крикнула она с восторгом и с ужасом и, вся дрожа, смертельно бледная, бросилась из пещеры домой, к осиротелой, тоскующей матери.

Едва дыша от волнения и быстрого бега, Жанна начала торопливо и несвязно рассказывать о том, что другие, она знала, назовут галлюцинацией, — как вдруг... она вздрогнула и замерла. Замерла и старуха, прижимая к груди дрожащую всем телом девушку.

На лестнице послышались шаги... Ближе и ближе...

Это могли быть только его шаги!...

Дверь распахнулась...

— Пьер!!—крикнули, как безумные, обе женщины.

.

С быстротой молнии разнеслась по городу весть о возвращении Пьера, казавшемся теперь не менее чудесным, чем недавнее его исчезновение. Толпа сочувствующих и любопытных, с мэром во главе, осаждали тихий домик на берегу Дордоны в нетерпеливой жажде узнать подробности приключения Пьера.

Рассказав, насколько это было возможно, все пережитое, Пьер, по настоянию толпы, повел мэра и еще несколько человек, выбранных им, в пещеру, чтобы показать им машину и объяснить им, насколько он сам успел изучить, ее механизм.

С чувством суеверного страха рассматривали окружающие издали это таинственное, непостижимо-волшебное сооружение. Но мэр подошел поближе; ничто во всей машине не повергало его в такое изумление, как маленький рычаг.

— Неужели же довольно повернуть вот эту маленькую, невзрачную штучку, чтобы вся эта громада взлетела на воздух и породила затем столько чудес? — недоуменно и недоверчиво спросил он.

— Попробуйте, если угодно, — предупредительно ответил Пьер, делая движение, как бы собираясь помочь ему вскочить на седло.

— Н-нет, благодарю покорно! — поспешно откликнулся мэр. — Но согласитесь, что это поразительно: просто повернуть эту ручку вот так — и...

Послышался треск, поднялся сильный ветер, за клубились тучи пыли... на мгновение блеснули еще раз металлические части... и место, на котором только что стояла машина времени, оказалось пустым.

Машина умчалась одна в таинственные дали и исчезла навсегда.

Даже Г. Дж. Уэльсу, приехавшему тотчас по получении телеграфного извещения Пьера о своем возвращении, не

удалось взглянуть на нее хоть раз. Единственным живым свидетельством пережитого осталась затейливая татуировка, открытая матерью и Жанной на плече у Пьера, которой он, быть может, обязан был своим спасением. Если бы он не очнулся тогда от боли и не бросился бежать, — голова его, снесенная ударом каменного топора, вероятно, навсегда осталась бы на песке.

ГОЛОВА МИСТЕРА СТАЙЛА

Рисунки Н. Гришина

Норп ГРУННЕРТ

ГОЛОВА МИСТЕРА СТАЙЛА

Фантастический рассказ

Мисс Анна, кузина моей жены, проживающая в Чикаго, штат Иллинойс, в доме № 2 на Норс-Сентр авеню, прислала мне номер немецко-американской газеты «Чикагская трибуна», где красным карандашом была отмечена следующая статья:

«Из одного городка нам передали очень странную историю, которая даже для наших привычных ко всему читателей звучит слишком “по-американски”. Для того, чтобы понять случившееся, сообщаем следующие факты.

В последнее время просвещенная публика обратила внимание на смелые и остроумные фельетоны, появлявшиеся изо дня в день в одной из самых больших наших газет. Они отличались не только энергичным и вдохновенным стилем, но и поражающим сходством по манере письма и мировоззрению со статьями мистера Стайла. А Стайл — как наши читатели, несомненно, помнят — погиб во время железнодорожной катастрофы около Буффало несколько

лет тому назад. Его изувеченное туловище нашли под обломками поезда. Головы не было найдено, и личность была установлена на основании оказавшихся в кармане пиджака бумаг, среди которых была подготовленная для печати статья о борьбе с расовым угнетением.

Вместе со всей Америкой, вместе со всем цивилизованным миром мы оплакивали тогда утрату, которую смерть Стайла нанесла публицистике, науке, человечеству. В нашем некрологе мы писали тогда, что трагическая судьба, при всей ее жестокости, в данном случае была все же к нему снисходительной хотя бы потому, что мгновенная смерть избавила знаменитого журналиста от длительных физических страданий. Ведь близким Стайла слишком хорошо было известно, как тяжело он был болен в течение уже многих лет. Лишь человек со столь сильным характером, каким он, несомненно, обладал, мог так долго бороться с болезнью, и никто не подозревал, что его блестяще написанные статьи, по литературным достоинствам не уступающие произведениям классиков, создавались в страшных физических мучениях. Тогда-то мы и осмелились (см. нашу газету, 26-й год издания, № 245) сравнить его с великим немецким поэтом Фридрихом Шиллером, которого мы, американцы немецкого происхождения, чтим, пожалуй, даже больше, чем его почитают на родине. Мы писали тогда, как много потерял мир со смертью великого поэта, как много можно было от него еще ожидать и что количество оставшихся ненаписанными произведений, несомненно, гораздо больше того, что он успел создать. Мы жаловались на несправедливость природы, которая заковала такого титана мысли в оковы болезненного тела. “Пегас в ярме!” Мы писали, что подобные случаи побуждают людей на борьбу с силами природы, чтобы в интересах человечества освободить одаренных людей от случайно доставшихся им физических недостатков.

И теперь из маленького городка на реке Огайо, как мы упомянули ранее, пришло невероятное сообщение о том, что Вивасиус Стайл жив и что знаменитые статьи в “Сан” и в других газетах, своеобразно освещающие последние ак-

туальные проблемы, отнюдь не по случайному совпадению обстоятельств разительно походят на великолепные статьи Стайла. При этом для нас остается загадочным, как он оказался живым после железнодорожной катастрофы, поскольку тело его без головы было опознано друзьями.

Поклонники его таланта не верят, что Вивасиус Стайл — автор последних публикаций, и рассматривают всю эту историю как хитрый маневр газетчиков, тем более что до сих пор никто больше Стайла не видел и не разговаривал с воскресшим журналистом. Как бы там ни было, но, по нашему мнению, серия недавно опубликованных статей убеждает в том, что Стайл жив. Так может писать только он один — только Вивасиус Стайл! По когтям узнают льва! Мы не пытаемся исследовать, как другие газеты, различные возможности правдоподобного объяснения этих таинственных обстоятельств: использование еще не опубликованных рукописей Стайла, подражание его стилю молодых одаренных журналистов и т. п. Мы решительно утверждаем подлинность статей в “Сан”. И хотя в настоящее время мы одни придерживаемся этих убеждений, будущее докажет нашу правоту. Так мы писали вчера. Но теперь вся эта история получила неожиданное и не менее необыкновенное объяснение.

Вивасиус Стайл действительно живет, во всяком случае жил еще несколько дней тому назад; однако при слове “живет” нужно сделать оговорку, поскольку со времени железнодорожной катастрофы живет не все его тело, но только голова!

Доктор Мэджишен, чье имя, возможно, известно многим читателям как имя гениального естествоиспытателя и исследователя в области биологии и химии, для успокоения общественного мнения и для собственного оправдания вот что сообщил в протоколе, составленном в городе Н.:

“Я, доктор Магнус Мэджишен, во время железнодорожной катастрофы случайно оказался около места происшествия. Немногим оставшимся в живых пассажирам я оказал, насколько это было возможно, первую помощь. Когда я

наконец добрался до обломков вагона, бывшего когда-то вагоном-рестораном, в котором, по словам потерпевших, в момент крушения никого не было, рядом с взорвавшимся баллоном углекислоты я нашел голову, аккуратно отделенную от туловища, должно быть, отброшенную во время взрыва каким-то металлическим предметом. Она лежала на груди снега, который образовался из замерзшей после взрыва жидкой углекислоты. Меня удивило это необыкновенное лицо, оно было отмечено высоким интеллектом и поражало своим естественно-свежим цветом. А я за свою жизнь провел достаточно вскрытий, чтобы иметь возможность судить об этом. Лицо погибшего так меня захватило, что я наклонился к нему. При этом я обнаружил, что замерзшая углекислота способствовала быстрому свертыванию крови; отверстия больших артерий герметически закупорились пробками из углекислого льда, покрывшего также крепким слоем всю поверхность раны.

Я решил взять находку с собой для научного эксперимента, поэтому тщательно прикрыл голову слоем льда и снес ее в мой автомобиль, стоявший неподалеку. По дороге я все время думал о выпавшей на мою долю удаче — получить такой объект исследования. В то время я как раз работал над заменителем крови, который можно было вводить в кровеносную систему при острой и хронической сердечной недостаточности, кровотечениях, отравлениях газом и т. д. Созданный мною химический препарат «сангвинум» действует так же, как кровь человека, выполняя функции натуральной крови. В лаборатории я осторожно и постепенно оттаял голову, обезболит поверхность раны и подключил ее к аппарату для переливания крови. Затем я открыл кран работавшего подобно пульсу аппарата, чтобы ввести созданную мною искусственную кровь в артерии объекта исследования.

Хотя это и не относится к официальному протоколу, не могу не сказать о чувствах, которые меня охватили, когда я увидел, как безжизненная голова постепенно возвращается к жизни: порозовели щеки, затрепетали закрытые ресницы, изменилось выражение медленно оживавших черт

лица и, наконец, раскрылись глаза, которые спаслись от смерти и теперь вновь ожили! Слишком беден наш язык и не хватает слов, чтобы выразить мои чувства в этот момент. Главное — он ожил и смотрел на меня. Я видел, как его губы шевелились, хотя говорить он не мог: у него не было органа, который снабжал бы гортань необходимым для этого воздухом. Я наклонился к его уху и подробно рассказал ему о катастрофе, о том, каким образом он очутился здесь, о его пробуждении от смерти.

Он долго смотрел на меня недоверчиво; наконец улыбнулся умиротворенной улыбкой. В душе я упрекал себя за свой опыт, но эта улыбка освободила меня от этого чувства. Он хотел говорить, и мне показалось, что его губы прошептали два слова: «Благодарю вас». Следующей моей задачей было конструирование аппарата для восстановления его речи, то есть нечто вроде автоматической воздухопроводки, которая вдвухала бы воздух в гортань. Я лихорадочно работал над этим день и ночь — наконец справился с этой задачей и включил аппарат.

Опыт удался даже лучше, чем я надеялся. Правда, его голос был едва слышен из-за отсутствия резонанса в груди, регулирование дыхания также причиняло ему вначале трудности. Но он мог говорить, и я его понимал. И только теперь я узнал, какую «светлую голову» приютил: я спас мистера Вивасиуса Стайла и, как он сам шутливо заметил, ту единственную его часть, которая в его теле на что-то годилась.

Поэтому мое отношение к опыту мгновенно изменилось: я давно был ярким поклонником до сих пор лично мне неизвестного борца за угнетенное человечество, за свободу мысли, за создание духовных ценностей, за подлинный идеал рода человеческого. С сожалением я узнал от коллег, что дни этого необыкновенного, высокоодаренного человека были сочтены, что у него от рождения было болезненное, немощное тело. С этого часа я считал важнейшей задачей своей жизни сохранить для человечества этот необычайно одаренный интеллект и заботился о нем всеми средствами, которые были мне предоставлены наукой

и собственным врачебным опытом. В чудесной цепочке событий, приведших к его спасению, я видел теперь не только случайность!

Для того чтобы дать Стайлу возможность заниматься журналистикой, к которой он так стремился, я установил фонограф; затем заменил фонограф телеграфофоном Поульсена, дававшим возможность записывать более обширные тексты. Я с удовольствием перепечатывал на машинке продиктованные им статьи. Так мы совместно работали все это время. Но вскоре он захотел освободить меня от работы переписчика и настоял, чтобы я купил на его счет недавно изобретенную пишущую машинку, которая могла печатать под диктовку. С этого времени он сам подготавливал свои рукописи для печати.

Он просил меня никому не выдавать нашу общую тайну его «бестелесного» существования — даже близкому другу и издателю газеты «Сан». Однако я все же по секрету рассказал ему об этом, и я надеюсь, что он это подтвердит, учитывая обстоятельства дела. Лишь однажды моему бедному другу пришлось с трудом сохранить свою тайну — в тот день, когда он узнал, что мисс Эвелин Г..., его пылкая почитательница и друг, тяжело заболела, получив известие о его неожиданной трагической кончине. Он тут же сочинил сонет «Мертвый — живым», который обошел страницы всех наших крупнейших газет. Заключительные слова этого сонета звучат так:

Хоть я не в царстве тьмы, но я от всех далек.

Хоть я не человек, но смертен и поныне.

Утратил тело я, но продолжаю жить...

Эти стихи можно понять лишь теперь, прочитав мой отчет. За исключением этого случая он работал, как будто бы ничего не случилось. Его журналистский талант, его разящая диалектика, его богатые познания и опыт и в конце концов его любовь к людям чувствовались, как и прежде, в каждой его строчке. Для того, чтобы нам обоим не замечать его внешности — живой головы, лежащей на работаю-

щей машине, — я соорудил ему одежду, похожую на удобный домашний костюм, закрытый до самой шеи и скрывающий все остальное.

Как раз в это время в стране началась борьба вокруг так называемого «билля о цветных», внесенного мистером Ретрорси. Согласно этому биллю цветные независимо от расы лишаются в Соединенных Штатах прав, которыми они пользовались ранее. И как раз статьи Вивасиуса Стайла в «Сан», полные пламенного протеста против этого билля, вызвали мощное движение среди наших сограждан, которое продолжается и поныне.

В итоге это движение вылилось в журналистский поединок в печати между Стайлом и Ретрорси. Здесь не место говорить о методах, к которым прибегал Ретрорси; он выдвинул целый арсенал личных и политических обвинений против Стайла. Однако, несмотря на все эти обвинения, перед форумом общественного мнения победу одержали

идеи Вивасиуса Стайла. Это было одной из его последних радостей.

Как врач, я с некоторого времени был им недоволен; его постоянная жизнерадостность и искрящийся юмор постепенно угасали. Объяснялось это душевными страданиями, и я был уверен, что его меланхолия была связана с болезнью мисс Эвелин Г... Поэтому я решил посвятить в нашу тайну еще одного достойного доверия человека, необходимо было, чтобы кто-то еще о нем заботился, то есть исполнял не очень-то приятные обязанности по обслуживанию аппаратов во время моего отсутствия. По этой причине мне нужно было посетить, конечно, ничего не сообщая об этом Стайлу, упомянутую ранее его приятельницу, о которой я узнал от надежных друзей, что ее болезнь связана лишь с душевными переживаниями. Для этого я должен был покинуть Стайла на полдня и надеялся, что на это время меня заменит мой старый слуга Фин. В день моего отъезда я еще раз тщательно проверил действие аппаратов, после чего распрощался со Стайлом, пообещав вернуться через несколько часов.

Было известно, что Ретрорси все время оспаривал подлинность статей в «Сан», о которых мы упоминали. Хотя ему и не удалось выманить Стайла и меня из нашего тайного укрытия, но он не брезговал никакими средствами, чтобы узнать нашу тайну. Вероятнее всего, всемогущий доллар и здесь сыграл свою роль. Один из детективов следил меня и открыл ему мою роль как передатчика статей Стайла. Уже позже я установил, что Ретрорси неделями пребывал в нашем городке и в конце концов крупной суммой подкупил моего слугу, и тот немедленно сообщил ему о моем отъезде. Ретрорси проник в мой дом, взломал дверь лаборатории.

Никто не мог мне рассказать о том, что произошло дальше; обо всем поведал фонограф, установленный мною при отъезде. Согласно записям фонографа, Ретрорси при виде закутанной фигуры своего противника, которая выглядела вполне естественно и была похожа на человека, воскликнул:

— Черт побери, а ведь он действительно жив!

На эти слова Стайл спокойно ответил:

— Да, мистер Ретрорси, и я надеюсь вам это доказать скорее своим пером, чем своим видом!

— Мистер Стайл, не могли бы вы рассказать мне в интересах ваших многочисленных друзей и противников, как вы, собственно, спасли свою драгоценную жизнь во время той железнодорожной катастрофы? Ведь тогда многие, в том числе и преданные ваши поклонники, опознали ваше тело. Объяснение этого противоречия даже со слов вашего политического противника может иметь значение, черт побери!

Также и для тех проклятых черномазых, которым вы теперь покровительствуете...

В это мгновение, по показаниям фонографа, начал работать автоматический регулятор переливания крови; шум его, естественно, привлек внимание Ретрорси, а затем вызвал его подозрение. Он прервал свою речь, чтобы продолжить ее издевательскими словами:

— Что такое? Откуда это? Уж не часы ли у вас в теле, мистер Стайл? Уж не мистификация ли ваше настоящее существование? Вот это да, черт побери! Давайте-ка посмотрим!

Как видно, после этих слов Ретрорси подошел ближе и ощупал одежду Стайла. Бедняга был совершенно беспомощен и безоружен перед своим противником.

— Так вот в чем ваша тайна, мистер Стайл! Вы уже больше не человек, а лишь замаскированный механизм! И вы еще осмеливаетесь вмешиваться в борьбу мнений! Вы осмеливаетесь упрекать меня в махинациях, а сами-то вы лишь машина, которую с трудом собрал этот медик, используя свое проклятое искусство! Теперь-то вы уже больше не бу-

дете нападать на меня своими сумасбродными статьями! Черт побери! Надо рассмотреть вас поближе — надеюсь, мне удастся вас теперь обезвредить вместе со всем вашим механизмом! Вот тебе на! В вашу голову воткнута стеклянная трубка, сейчас мы ее поломаем.

Фонограф зарегистрировал страшный шум, треск разбиваемой стеклянной трубки и шипящее течение жидкости — искусственной крови — сангвины.

Вивасиус Стайл знал, что конец его близок, он воскликнул:

— Вы действовали как трусливый негодяй, чего от вас и следовало ожидать! Я чувствую, что истекаю кровью. О, мистер Мэджишен, дорогой мой друг, честнейший человек, с какой бездной зла мы боролись! Презренный Ретрорси, наслаждайся своей победой! Меня ты уничтожил, но мои идеи уничтожить нельзя, и они тебе за меня отомстят!

...Я вернулся домой в хорошем настроении: мисс Эвелина Г. поправилась настолько, что уже завтра должна была приехать, чтобы разделить со мной заботы о любимом человеке. Удивленный тем, что Фин не встретил меня у входной двери, я остановился в прихожей и позвал. Ответа не последовало, во в этот момент я услышал глухой шум и вслед за ним сильный треск, похожий на звук мощного электрического разряда.

Предчувствуя недоброе, я взлетел по лестнице в лабораторию и сразу кинулся в Стайлу. Его поникшая голова, бледная, как мраморная статуя, лежала, склонившись немного набок, на подушке, которую я положил, чтобы он мог опираться на нее во время дремоты. Мое сердце облилось кровью — я увидел, что приехал слишком поздно!

Аппарат был разбит, и я сразу понял причину катастрофы. А вскоре обнаружил и виновника! Он лежал в углу под трансформатором, скрюченный судорогой от тока высокого напряжения.

По фотографиям, которые у меня имелись, я узнал Ретрорси, заклятого врага моего погибшего друга. Но лишь после того, как я окончательно убедился, что все мое врачебное искусство и познания теперь уже ничем не могут по-

мочь Вивасиусу Стайлу, лишь тогда — и я не стыжусь в этом признаться — я подошел к Ретрорси. Я отключил ток и начал применять искусственное дыхание. Когда мои попытки оказались безуспешными, я начал вводить в него сангвинум — именно ту искусственную кровь, которой он так подло лишил моего друга.

Наконец он очнулся и начал дышать. Он узнал меня и хотел было заговорить, но его язык был искажен судорогой. Он хотел написать, но его руки оказались парализованными в были холодны и неподвижны, как камень.

Но и без его признаний я мог полностью представить себе, что произошло. Вероятно, вскоре после совершения своего подлого дела он услышал мои шаги и обратился в бегство. При этом он споткнулся и хотел за что-то удержаться. Но металлическая штанга, за которую он ухватился, была проводом высокого напряжения в 50 000 вольт.

Фонограф досказал мне обо всем остальном. Несчастный достиг своей цели, Вивасиус Стайл больше не существовал! Но справедливое дело само отомстило за своего верного приверженца быстрее, чем он сам мог бы об этом подумать: у мистера Ретрорси навсегда оказались парализованными руки и язык”».

Я дочитал статью в «Чикагской трибуне» до этого места. Качая головой, сложил газету — номер был от первого апреля...

Как это понимать, мисс Анни?

ЕГИПТЯНКА НИТАКЭРТ

В этот вечер Герберт Мюнц, молодой египтолог, засиделся в музее несколько долее обыкновенного, предавшись своим мыслям.

Был понедельник, день, когда музей закрыт для простых любопытных и доступен только для получивших специальное разрешение заниматься в нем ученых. Но сегодня почему-то и нескольких коллег Мюнца не было видно.

Доктор Мюнц, постоянный посетитель музея, давно уже облюбовал для себя одно уютное местечко в боковом зале, и теперь, сидя в несколько темной комнате, наслаждался, дыша ее свежим и чистым воздухом и не без удовольствия подумывая, насколько здесь лучше, чем на улицах Берлина, залитых еще потоками знойного августовского солнца.

Там — крик, шум, суетня. Что-то лихорадочно тревожное, мятущееся.

Здесь — тишина, покой.

Там и мысли как-то коротки, тревожны, торопливы и мелки.

Здесь так хорошо думается. Мысли идут волнами одна за другой, не путаясь, не свиваясь в пестрый клубок...

Мюнц откинулся на спинку скамьи и оперся головой о каменную плиту. Это была гробовая доска, крышка гигантского саркофага. И от плиты шел какой-то приятный холодок, и не было жутко думать, что некогда под плитой покоилось чье-то тело.

На коленях у молодого ученого лежала брошюра, в которой имелось факсимиле недавно расшифрованного папируса Птахготэпа из собрания парижского музея.

Глаза Мюнца скользили по строчкам.

«— Пусть будет мудрость для тебя дороже золота и дороже драгоценных камней: и золото и драгоценные камни ты увидишь везде, даже в виде запястий и украшений на руках выведенной на рынок на продажу рабыни.

— Мудрый никогда же имеет причин раскаиваться.

— Любовь к ближним приятнее богам, чем жертвы в храмах. Жертвы в храмах приятнее жрецам, чем самим богам.

— Пусть будет светел взор твой, ж пусть не омрачается заботами чело твое: разве ты видел, чтобы мертвец покидал гроб свой? Жизнь коротка».

Доктор Мюнц, невольно увлекшись, читал слова, начертанные некогда, столько тысячелетий назад, мудрым египтянином, и повторял их вслух:

«— День сменяется ночью, ночь уступает место дню. Свет, потом тьма. Опять свет и опять тьма. Такова и жизнь смертного: радость и горе идут волнами.

Не горюй: завтра придет радость. Не радуйся: завтра придет волна горя».

Доктор Мюнц положил в сторону книгу.

Прямо почти против него, в стеклянной витрине, приклоненной одним боком к стене, лежала мумия.

К этой реликвии безвозвратного прошлого ученый египтолог чувствовал какую-то особую симпатию: это ему удалось добыть великолепно сохранившуюся мумию из тьмы царственных могил в высеченном в скалах лабиринте Некрополиса. С затруднениями и издержками молодой ученый доставил мумию в Берлин и принес в дар музею, поставив условием, чтобы она сохранялась в том виде, в каком он ее нашел.

И вот так далеко-далеко от Египта, под туманным небом Германии, в новом, уже не в гранитном, а в стеклянном гробу покоится тело.

Мумия была покрыта, правильнее, обмотана пеленой из пожелтевшей льняной материи. И под этой пеленой обрисовывались четко и ясно контуры тела: это была молодая стройная женщина.

Ее открывали в музее один только раз, освобождая от савана, — и все присутствовавшие тогда были поражены стройностью и нежностью форм, изяществом головки, тонкостью нежных рук и крошечных, словно детских ног.

— Это не мумия, — это настоящая мраморная статуя! — сказал директор музея.

— Только из темного мрамора! — откликнулся кто-то.

— Видел ли ты, чтобы мертвец покидал гроб свой? — мелькнула в голове доктора Мюнца теперь мысль, связанная и с только что прочитанными изречениями Птахготэпа и с мыслями о драгоценной мумии Нитакэрт, как звали некогда, тысячелетия назад, ту, которая теперь покоилась перед глазами египтолога в стеклянном гробу в полутемной и прохладной комнате музея.

Доктор Мюнц встал, прошелся по комнате, подошел к витрине. Его взор упал на обломок мрамора, лежавший рядом с мумией. Там было обозначено, когда скончалась Нитакэрт. Это соответствовало 522 году до Р. Хр. нашей эры.

— Был царственным род ее. Коротка была ее жизнь, как весеннее утро, и чиста, как воды горного ключа.

Лучу солнца был подобен взор Нитакэрт, и зорям — улыбка уст ее. Но таинственна была смерть, постигшая Нитакэрт.

— Видел ли ты, чтобы мертвец покинул гроб свой? — опять вспомнилось доктору Мюнцу.

Нет, никогда. Кто умер — умер...

Вот и эта египетская красавица, и этот цветок страны царственных могил, распутившийся и погибший две тысячи лет тому назад, — ведь сохранилось только нечто внешнее. Обманчивое изображение. Горсть праха, каким-то чудом сохранившая лишь внешнюю связь образующих ее массу частиц. Но каждая частица, каждый атом в отдельности — прах и прах и больше ничего.

Когда доктор Мюнц принес мумию Нитакэрт в дар музею и там было обнаружено, что тело Нитакэрт мумифицировано каким-то особым, редким способом, — дирекция хотела произвести химическое исследование, для чего при-

шлось бы отделить от мумии какой-либо член тела. Но доктору Мюнцу была почему-то тяжела сама мысль об этом. Это нарушение смертного покоя египтянки казалось ему чем-то близким к святотатству, и он запротестовал. Его протест сочли за каприз, недостойный серьезного ученого, но потом подчинились его желанию. И только кто-то из молодых товарищей подшутил над доктором Мюнцем:

— Коллега Мюнц, кажется, влюблен в свою мумию.

Доктор Мюнц уселся против витрины и, глядя на мумию Нитакэрт, задумался.

Странная сонливость овладевала им. Действительность мешалась с грезами. Фантазия — с реальными фактами.

Он отлично сознавал, что он — в берлинском музее. И в то же время ему грезился Нил, медленно влачащий свои воды среди тростников таинственного Кэми, и грезились пирамиды, руины храмов. И он как будто слышал звонкие голоса, — голоса тех, кто жил когда-то там, на берегах Нила.

Взглянув машинально на мумию в стеклянной витрине, доктор Мюнц заметил странное явление: казалось, пышная молодая грудь египтянки ритмически вздымается и опускается под льняным саваном. Колышется ритмически пелена. Как будто ею окутана не мертвая мумия, а живое тело. словно не покоем смерти скованы члены Нитакэрт, а здоровым молодым сном.

— Странно! — подумал доктор Мюнц, приглядываясь к мумии.

— Странно! Ведь не в первый раз я замечаю это. Что это значит? С каким явлением я имею дело? Разумеется, кто видел, чтобы мертвец покинул гробницу свою? Это иллюзия. Может быть, у меня сегодня нервы шалят? Или от жары — прилив крови к голове?

И он опять погрузился в сонную задумчивость.

Пробил урочный час, когда удаляются все посетители музея.

Сторожа обходили пустые залы, ревизуя музей перед уходом. Один из них мерными, спокойными шагами прошел через комнату, где перед гробом Нитакэрт дремал доктор Мюнц, — и не заметил молодого ученого.

Замерли в отдаленных комнатах его шаги. Не слышно больше человеческих голосов. Но сквозь двойные рамы музея не долетает с улицы гул обыденной жизни. Словно музей — огромная колоссальная могила, мертвенный покой которой не нарушается голосами крикливой и суетливой жизни.

Стустились сумерки. Зажглись на улицах электрические и газовые фонари. В глубокой мгле был погружен музей.

И вдруг, — доктор Мюнц проснулся.

Разумеется, сначала его поразила мгла.

Потом он зажег спичку, выбрался из бокового зала в центральное помещение, нашел выход. Но — увы! — двери были на запоре.

Чтобы уйти из музея, надо было или поднять шум, стучать в двери и этим обратить на себя внимание какого-нибудь прохожего, ночного сторожа, полицейского. Или же — выбить окно, вылезть наружу с риском быть принятым за вора...

Нет, и то и это не годится.

— Мышь в клетке! — весело рассмеялся доктор Мюнц, предпочитавший смотреть на все это, как на маленькое комичное происшествие.

— Переночуем в музее. Что же? Разве мне в первый раз приходится провести ночь не в постели? Например, там, на развалинах Фив стовратных? На раскопках в Некрополисе?

«Надо только разместиться поудобнее и терпеливо ждать до утра».

Доктор Мюнц вынул из жилетного кармана часы и посмотрел на циферблат при неверном свете уличного электрического фонаря, проникавшего в стекла высокого окна.

— Ого! Почти одиннадцать! Музей открывается в девять. Значит, мне предстоит пробыть здесь целых десять часов.

Мюнц возвратился в боковой зал, к витрине, где покоилась мумия Нитакэрт, остановился перед нею.

— Беда, если узнают коллеги! — засмеялся он. — Они будут уверять, что это в грезах о тебе, о прекрасная Нитакэрт, я проспал час ухода. Скажут, что я влюблен в тебя».

Доктор Мюнц засмеялся беззаботно.

— Впрочем, ведь они правы, о Нитакэрт!

«Ведь и в самом деле — если для других ты мертва, то для меня ты жива. В моей душе так светел и жизнен твой прекрасный образ. Да, я не видел огня твоих глаз, подобного лучу солнца, и не мне улыбались твои уста улыбкой, напоминающей весеннее утро, и не слышал я твоего молодого голоса. Но... но я люблю тебя, Нитакэрт. Ты слышишь?»

— Мер-а-нэбт, и ферт Нитакэрт!

Мюнц вспомнил древнеегипетский язык, вспомнил фразу:

— Я люблю тебя, о прекрасная Нитакэрт!

Отойдя от витрины, доктор Мюнц зевнул: ему хотелось опять спать. Не без труда в полутьме он отыскал в зале пару-другую стульев, составил их вместе так, что образовалось некоторое подобие ложа, и улегся, положив руки под голову вместо подушки.

Легкий сон овладел им. Но через некоторое время он проснулся.

Взошла луна и светила сквозь огромное окно зала, наполняя покой толубоватым, призрачным светом. С колокольни соседней церкви донесся мелодичный перезвон башенных часов.

— Ого! Ближе к полночи! — невольно пробормотал доктор Мюнц.

— Мне остается, однако, еще девять часов сна. Попытаемся заставить себя спать.

И он улегся было опять, но сейчас же приподнялся: его слуха достиг какой-то странный, тихий, но ясный и четкий звук. Словно кто-то вздохнул. Глубоко, глубоко. И еще раз. И в третий раз...

«Кто здесь?» — подумал доктор Мюнц, невольно поддаваясь чувству жути.

Он вскочил со своего ложа, огляделся. Его взор упал на стеклянную витрину с мумией Нитакэрты. Она вся была озарена лучами луны и, о Боже!

Мумия уже не лежала: она приподнялась, она сидела, опираясь освобожденными из-под савана тонкими, обна-

женными руками.

И доктору Мюнцу было видно лицо египтянки — несколько темное личико с поразительно правильными и тонкими чертами, и были видны глаза, светившиеся мистическим светом.

Доктор Мюнц застыл на месте, глядя на воскресающую, — нет, уже воскресшую египтянку.

Он дрожал всем телом.

Сказать, что ему было страшно, — нет, он не чувствовал страха, — по крайней мере, того страха, который ощущается теми, кто боится какой-нибудь опасности.

Но перед глазами доктора Мюнца совершалось какое-то великое таинство. И в этом возвращении жизни в тело погребенного две с половиной тысячи лет назад существа было что-то, леденившее кровь в жилах ученого. Как будто перед ним вдруг разверзлась пропасть, и его взор увидел несметные толпы призраков...

Нитакэрт, освободив все тело от мешавшей движениям льняной пелены, полным грации движением поднялась и стояла с полузакрытыми глазами, простирая вперед тонкие нежные руки, выпрямившись во весь рост. Ее уста шевелились.

— Тэн-ну у-о-на! Кэрх, кэрх, камт. А ну-терит Небти! — прозвучал мелодичный, полный жалобных ноток, призывный голос.

— Тэн-ну у-она?

Мороз пробежал по коже доктора Мюнца. Но сознание уже работало, и он понимал значение слов, произнесенных воскресшей египтянкой.

— Где я? Ночь, глубокая ночь! О, Небти, великая богиня! Где я?

Сознание пришло окончательно к доктору Мюнцу. И исчезла жуть: мумия, которая шевелится, встает, мумия, которая говорит — пусть на мертвом для мира наших дней языке, — уже не мумия. Это человек. И этот человек — молодая девушка, почти ребенок.

Доктор Мюнц приблизился к витрине, открыл одну ее стенку. Нитакэрт молча наблюдала за его движениями. Она

стояла перед его глазами, вся залитая лучами лунного света, тонкая, стройная. И больше чем когда-либо — казалась прекрасной мраморной статуей, потому что ее стан покрывала одежда из тончайшего виссона, ложившегося мягкими нежными складками.

— Где я? — опять произнесла Нитакэрт. — Ночь, глубокая ночь! Кто ты? Кто бы то ни был, — будь милосерд ко мне. Тяжелым испытаниям подвергли меня всемогущие боги, безжалостные. Могила была моим убежищем, моим единственным приютом, где могла я спастись от кровавого Камбатэта, царя варваров.

Странное чувство охватило душу доктора Мюнца: это нежное существо пережило какую-то ужасную драму. Оно в могиле искало спасения от зверя в образе человека, беспощадного Камбиза, которого египтяне называли Камбатэтом.

— Не бойся, о госпожа моя! — сказал доктор Мюнц по-египетски.

— Скажи же мне, где я? — продолжала допрашивать воскресшая.

«В подземной гробнице лежала я. Туда отнесли меня после того, как Ку-и-эн-Фра, друг души моей, спас меня от зверя Камбатэта и погрузил меня в сон, подобный смерти. Но я проснулась и вижу, что не в могиле уже тело мое. И тоскует душа моя, стремясь к моему возлюбленному».

— Так вот что! — пробормотал доктор Мюнц. — Значит, она и не была никогда мумией, эта бедняжка. Просто она была погружена в искусственный сон, теперь проснулась. Может быть, интересный случай применения гипнотизма? Это будет великолепным доказательством в пользу того, что египтянам было известно многое, считающееся ошибочно достоянием науки лишь наших дней.

Искусственный сон.

Впрочем...

Почему и не так?

Разве индийские факиры не погружаются в такой же самый искусственный сон? Правда, их искусства хватает только на несколько недель сна. Но тут важен сам прин-

цип. Важна возможность приостановить жизнь на время.

«Бедная, бедная Нитакэрт!» — стрелой неслись мысли Мюнца...

— Нет и праха тех, с кем ты жила в дни Камбиза. И нет в живых того, кого ты называешь «другом своей души» и к кому ты так стремишься. Ты одинока. Ты — призрак бесконечно далекого прошлого.

— Не бойся, прекрасная Нитакэрт! — сказал тихо Мюнц. — Не бойся. Доверяй мне. Я не враг тебе, о нет. Но тебе придется услышать такие вещи, что... Ты должна собрать все свои силы, призвать на помощь все свое мужество.

Египтянка склонила голову.

— Я доверяю тебе, чужеземец! — сказала она так же тихо. — Но скорее скажи мне, скажи все... Как попала я сюда, в это здание? Все чуждо мне здесь. И твое бледное лицо и твое странное одеяние. Только бледнолицая богиня Аас льет на землю по-прежнему свои кроткие лучи.

Полным красоты жестом воскресшая показала на заглядывавшую в окно музея луну.

— Хорошо. Я все скажу тебе, Нитакэрт. Но... уйдем отсюда. Я отведу тебя в покой, где тебе будет удобнее.

Египтянка вышла из своего стеклянного гроба. Мюнц повел ее за собой. Но длинное одеяние из виссона мешало идти девушке, стесняя ее движения, и Мюнц был вынужден взять ее на руки, как ребенка, и понести. Она была легка, как перышко. И ее взор ласкал и согревал душу доктора, и ее теплое дыхание обвевало его лицо.

Через несколько зал музея, полных древнеегипетских статуй, изображений богов и богинь мифологии таинственного Кэми, пронес девушку Герберт в вестибюль музея и посадил на удобной мягкой скамье.

— Так хорошо тебе, Нитакэрт? — спросил он.

— Спасибо. Хорошо. Только дай мне выпить хоть один глоток воды! — отвечала египтянка.

Идя за водой, доктор Мюнц невольно думал о том, как приступить к повествованию о совершившемся на земле за время двух с половиной тысячелетнего сна девушки. Главное, — как сказать ей том, что две тысячи лет назад исчез с

земли тот, кому она отдала свое молодое сердце?

Возвращаясь с наполненным водой стаканом, он вдруг приостановился на пороге вестибюля, пронизанный острой мыслью: а что, как все это, эта только что пережитая сцена, — была просто-напросто грезой сна?

Но нет! Нитакэрт сидела в позе робкого ожидания на скамье. Она взяла из дрожащих рук Мюнца стакан с водой, выпила глоток, как простая смертная, и отдала стакан со словами:

— Но это не вода родного Нила?

— Нил течет по-прежнему. Но он далеко, очень далеко отсюда! — отозвался Мюнц.

— Где же тогда я? В какой стране?

— Я обещал тебе рассказать все. Но лучше будет, если ты поведаешь сначала мне свою историю, дорогая, — серьезно сказал Мюнц, усаживаясь рядом с Нитакэртом.

— Хорошо! — согласилась покорно она. И она рассказала следующее:

— Меня зовут Нитакэрт. Ты знаешь это, чужеземец.

Я из царственного рода: в моих жилах течет кровь Рамессу Великого. Я провела всю жизнь в доме моей мудрой матери. Тиха и спокойна была моя жизнь: мать научила меня работать, и я пряла и ткала вместе с рабынями семьи нашей. Меня полюбил и мою любовь завоевал молодой Ку-эн-Фра, великий ученый, врачеватель. Мы строили планы совместной жизни, но грозная туча висела над страной Кэми: царь Псамтик был разбит варварами и взят ими в плен, стал рабом свирепого Камбатэта, царя персов. Волновалась вся страна в позорном иге рабства. Лилась кровь. Тысячами гибли дети благородного Кэми, пытались освободиться от угнетателей. Были опозорены и осквернены наши святые храмы. Дикие варвары не остановились перед святостью могил: они врывались в некрополи, ища погребенных сокровищ, и оскверняли смертное ложе почивших. Мумии царей Египта выволакивали на площади на позор и поругание и сжигали на кострах. О, горе, о, страшное горе!

Орды пьяных дикарей врывались в жилища знатнейших египтян и хозяйничали там, позоря женщин и девушек, красивейших отправляя в свою страну в качестве рабынь. И меня ждала та же участь...

Голос девушки дрогнул, слова оборвались.

— Не бойся, дитя! — сказал доктор Мюнц. — Не бойся. Тирана Камбатэта давно уж нет на свете, и здесь тебе не грозит никакая опасность. Продолжай же свое повествование.

— На меня упал взор чудовища Камбатэта, — продолжала Нитакэрт, — когда я с подружками и рабынями шла к водам священного Нила. И меня схватили, вырвали из рук подруг, повлекли во дворец, где обитал царь варваров. Напрасны были мои мольбы о пощаде: Камбатэт желал, чтобы я стала его женой, и я должна была подчиниться.

Меня одели, как невесту. Но я шла как на смертную казнь.

О, если бы я могла тогда убить себя!

Но мне не оставили ничего, даже иглы, которой я могла бы заколоться, чтобы не переживать позора.

Я ожидала царя варваров, моля великую мать, богиню Небти, сжалиться надо мной и послать мне смерть раньше, чем меня коснется рука чудовища. И вот раздвинулась занавесь, мальчик скользнул в покой и протянул мне флакон, говоря:

— Не бойся, Нитакэрт. Твой друг Ку-эн-Фра охраняет тебя. Он не допустит позора. Здесь таинственный напиток. Выпей только один глоток и ничего не опасайся.

Прежде, чем я успела опомниться, он исчез, оставив в руке моей флакон с светящейся и искрящейся влагой.

Я выпила содержимое флакона. Потемнело у меня в глазах. Страшная слабость охватила меня. И словно сквозь сон я услышала, как вошел в покой Камбатэт. Увидев меня, лежащую на полу, он закричал гневно:

— Кто смел привести в мой дворец одержимую? У нее пена на губах, и тело содрогается. Убрать ее!

Очнулась я в доме моей матери: лекарство, данное мне моим женихом, вызвало искусственно припадок «черной

болезни» — но теперь я была здорова, только слаба. И я была спасена от позора.

К нам скоро пришел мой жених Ку-эн-Фра. И он шептал мне:

— Есть одно средство спастись, дорогая. Я должен выдать тебя за мертвую. Но ты не умрешь, ты только погрузишься в подобный смерти сон, из которого очнешься, как только пробьет час освобождения страны от гнета чужеземцев. И уж близок этот блаженный час. Решайся же, родная!

И я решилась.

Вновь нагнулся надо мной Ку-эн-Фра, глядя блестящим взором в мои глаза. И...

И больше я ничего не помню.

— Бедная, бедная Нитакэрт! — невольно пробормотал доктор Мюнц.

— Почему ты говоришь так, чужеземец? — оживилась девушка. — Зачем ты говоришь так? Ведь ты же сам сказал, что чудовища Камбатэта нет в живых, и ты — друг, и я в безопасности. Позови только Ку-эн-Фра и, опираясь на его руку, я буду счастливейшей из смертных.

Невольно вздохнул доктор Мюнц.

— Она мечтает о своем женихе! О том, кто жил две с половиной тысячи лет назад... И если сказать ей правду, — ведь это может убить несчастную.

Доктор Мюнц сидел и думал.

Да, он вспомнил, он вспомнил.

Ку-эн-Фра! Разве не было знакомо ему это имя, о котором столько раз с почетом и уважением вспоминают свитки папирусов, относящихся к эпохе персидского владычества над Египтом?

...Их было восемь, благороднейших, избраннейших, лучших детей Древнего Кэми. Их выбрал Камбиз, чтобы они показали дорогу его ордам к таинственному храму Аммон-Ра, стоящему в оазисе в 100 часах пути от царственного Мемфиса в страшной Ливийской пустыне, к храму, несметные сокровища которого привлекали орды грабителей.

И они, эти герои, повели персов. Но не к святому храму бога солнца, а в сердце пустыни, в пасть смерти.

Там скитались десятки тысяч умирающих от жажды, от голода варваров. Их гнали песчаные бури, наметая над трупами горы песка. Их истребляло мстительное, беспощадное солнце. И ни один не вернулся ко двору кровожадного тирана, их пославшего.

Храм Аммона-Ра был спасен восемью героями — ценой собственной гибели.

— Пусть благодарные потомки хранят вечно в памяти своей благородное имя великого врачевателя Ку-эн-Фра, заведшего врагов Святого Кэми в сердце пустыни и погибшего там.

Так гласит надпись, которую жрецы храма Аммона-Ра вырезали на скалах подножья храма.

Как сказать это Нитакэрт? Как перенесет девушка роковую весть?

Острая жалость охватывала все сильнее и сильнее душу ученого. О, если бы не эта любовь к Ку-эн-Фра! Все могло бы обойтись благополучно.

— Где же я, чужеземец? — жалобным голосом повторила Нитакэрт.

— Ты далеко от царственного города, от Фив! — растерянно, подыскивая слова, ответил Мюнц.

— Почему же мое тело удалили из приготовленного для меня убежища?

— Потому что твоей стране пришлось пережить многое, очень многое. Новые и новые нападения врагов грозили опасностью тебе и в гробу.

— Но если я далека от Египта, в чужой стране, среди чужих, то как встречу я с своим возлюбленным? Как отыщет меня Ку-эн-Фра, мудрый врачеватель?

— Он не ищет тебя больше, родная! — тихим голосом, полным муки ответил Мюнц.

Казалось, она не поняла слов этих.

— Это ты принес мое тело в чужие края? — задала она вопрос.

— Да, я! — не без колебания ответил Мюнц.

— И ты будешь так добр, ты наймешь гонцов, которые отнесут весть обо мне к моим родным? Моя мать так обра-

дуется, узнав, что я в безопасности!..

Герберт Мюнц поник головой. Что сказать ей? Как объяснить ее положение?

— Как долго была ты погружена в волшебный сон, по твоему мнению? — заговорил доктор через несколько мгновений.

— Не знаю. Для меня в могиле не существовало времени. Может быть, дни, может быть, долгие месяцы... Или целый год? Ты знаешь это — скажи мне.

Мюнцу страстно хотелось обнять Нитакэрт, прижать ее к своей груди, ласками и поцелуями отогнать от нее самую мысль о прошлом. О, если бы она не любила этого Ку-эн-Фра! Если бы ее душа не стремилась к нему, во мглу веков!

Внезапно Нитакэрт задрожала. Но ее глаза блистали.

— Что с тобой, дорогая? — спросил ее, волнуясь, доктор Мюнц.

Она молчала. Но на ее нежное личико легла мрачная тень.

— Ради всего святого, говори, что с тобой? Тебе нехорошо? Ты больна?

Но она молча глядела на таблетку, которую держала в левой руке. Такие таблетки древние египтяне клали в качестве амулета вместе с трупами умерших. Видеть содержание сделанной надписи Нитакэрт не могла: света луны было недостаточно для чтения. Но, нащупав нежными пальцами амулет и водя ими по его поверхности, она читала, как читают слепые.

— Родная, ненаглядная! Скажи хоть одно слово! — молил египтянку доктор Мюнц, падая к ее ногам. — Неужели у тебя нет не единого слова для того, кто спас тебя? Заговори же!

— Тебе, спасшему меня, — моя благодарность! — слабым вздохом вырвались слова из трепетных уст Нитакэрт.

Потом она сказала:

— Эту таблетку положила в мою могилу та, которая дала мне жизнь, моя мать. Смотри, что здесь написано.

«Нитакэрт, свет моих глаз, жизнь моя!

Сегодня, в девяностый день моего рождения, в пятидесятый год твоего смертного сна, я вновь испытала все известные врачам родного края средства, чтобы пробудить тебя к жизни. И все было напрасно. Только один мог бы разбудить тебя, тот, кто погрузил тебя в волшебный сон, но он погребен под песчаным саваном великой пустыни.

Сочтены мои дни, и не суждено мне видеть, когда ты откроешь взор твоих очей. Я умру, не увидав тебя живою. И верховный жрец, мудрейший из мудрых, говорит, что ты никогда, о, никогда не проснешься. Оставляю тебе мой прощальный привет вместе с поцелуем, данным для тебя твоим женихом перед тем, как он ушел на гибель за родную страну. Мое тело будет покоиться рядом с твоим. Твоя мать».

Крупные слезы катились по побледневшим щекам Нитакэрт.

— Благодарю тебя, чужеземец! — сказала она трепетным голосом. — Ты хотел избавить меня от страданий, боясь сообщить мне горькие вести. Но я узнала их от родной матери. Я знаю, что Ку-эн-Фра погребен в песках пустыни. Так судили боги. Но мое место там, где его могила. Я его жена, и я должна спешить к нему. Так хотят боги.

— Нитакэрт! — вскрикнул доктор Мюнц.

— Подожди, друг! — положила она нежную руку ему на плечо. — Подожди. Я сказала то, что я думаю. Так суждено быть. Ты же возьми на память о Нитакэрте это кольцо.

Она одним движением надела массивное золотое кольцо, изображающее змею, на палец правой руки доктора Мюнца.

И потом она обвила обеими руками его, склонилась к нему на грудь, касаясь его лица своим похолодевшим лицом.

— Нитакэрт! Что с тобой, дитя? — в испуге почти кричал доктор Мюнц. — Тебе дурно? О Нитакэрт!

— Отнеси... меня... туда, где я покоилась... Друг мой! — шептала замирающим голосом девушка.

Почти не сознавая, что он делает, доктор Мюнц донес тело Нитакэрта до бокового зала музея и положил в гроб, стоявший в стеклянной витрине.

Еще раз открыла глаза египтянка.

— Что ты? — склонился над ней Герберт Мюнц.

— Моя мать... и мой возлюбленный Ку-эн-Фра... Они тут. Они пришли за мной. Зовут меня. Они поведут меня в родные края. Я иду! Я иду! — вскрикнула Нитакэрт, простирая руки.

— Прощай, друг! Будь счастлив!

Да, она была мертва. Не билось ее сердце. Не вздымалась молодая грудь. Было холодно ее тело, как лед. И напрасно звал ее по имени, целуя похолодевшее личико, плача, содрогаясь от переполнявшей все его существо острой боли, доктор Мюнц.

Светало.

Серый свет дня проникал уже в окна музея.

Шатаясь, поднялся доктор Мюнц еще раз поглядеть на тело Нитакэрт. Потом он поцеловал чело девушки, завернул труп ее в льняной саван, отошел к тому месту, где он дремал в начале ночи, сел и заснул, сидя. И в такой позе нашли его пришедшие перед открытием музея сторожа.

— Разумеется, ты видел все это во сне, и ничего больше! — сказал, выслушав рассказ Герберта Мюнца о пережитом им в достопамятную ночь, его школьный друг и спутник по странствованиям, врач Рольфс. — И тебе не мешало бы полечиться. Ты порядком истрепал свои нервы.

— Только во сне, и больше ничего? — печально улыбнулся Герберт Мюнц.

— Ну да, ясно же! — повторил Рольфс. — Ты думал о Нитакэрт, и вот во сне все это пригрезилось. Тем больше, ты же сам говорил: «Осмотр мумии показал, что она находится в том самом состоянии, как и до этого... случая? Мумия осталась мумией. Все остальное — грезы. В этом разрешении загадки».

Доктор Мюнц посмотрел тоскующим взором на странной формы кольцо, надетое на его указательный палец. Кольцо изображало змею. Это кольцо дала ему Нитакэрт на память о себе.

Пусть все остальное было сном. Но кольцо...

Эту загадку он не мог разрешить.

ОБ АВТОРЕ

Карл Грунерт (Grunert) – имя не слишком известное даже на родине писателя, хотя специалисты и считают его, наряду с Курдом Лассвицем и Оскаром Гоффманом, одним из основоположников немецкой научной фантастики.

Грунерт родился в 1865 г. в Наумбурге, в тогдашней Пруссии; в этом городе он вырос и стал гимназическим преподавателем. Затем Грунерт перебрался в Берлин, где также зарабатывал на жизнь преподаванием. В 1890-х годах он женился, в 1899 г. у писателя родился сын. Грунерт страдал слабым здоровьем и пристрастием к кокаину; в поздние годы он жил то в Берлине, то на близлежащем озере Мюггельзе. Скончался в 1918 г. от осложнений после воспаления легких.

Литературное наследие Грунерта включает несколько совершенно забытых стихотворных сборников и пьес, которые он публиковал под псевдонимом «Карл Фридланд». В истории литературы он остался благодаря научно-фантастическим рассказам (сам писатель называл их «новеллами о будущем»), печатавшимся в газетах, журналах и антологиях. Всего Грунерт сочинил 33 «новеллы о будущем»; 24 из них вошли в четыре прижизненных сборника – «По ту сторону мира» (1903), «Люди завтрашнего дня» (1905), «Враги во Вселенной?» (1907) и «Шпион с Марса» (1908). Во второй половине XX в., после нескольких десятилетий забвения, их начали включать в немецкие и английские антологии, а к концу века начался скромный ренессанс фантаста: в маленьких германских издательствах вышли репринты прижизненных сборников, появились новые собрания фантастических новелл Грунерта и т.д.

Грунерт, как справедливо отмечено исследователями, открыто соотносил многие из этих новелл с произведениями своих литературных кумиров – Г. Уэллса, Ж. Верна и К. Лассвица. Часто они развивают темы, почерпнутые у данных писателей: таковы вошедшие в данную книгу «Шпион с Марса» (своеобразное «предисловие» к «Войне миров»), «Машина времени» (оригинальное название – «Приключение Пьера Мориньяка») и «Яйцо археоптерикса», напоминающее об «Острове эпиорниса». Стандартные темы эпохи (радий, гибель Земли от столкновения с кометой, будущая война, технологические новшества, кажущиеся сегодня банальными) не обошли стороной и Грунерта. К чести писателя

нужно сказать, что даже в этих случаях он старался находить любопытные ходы, а некоторые его идеи вдохновили следующее поколение фантастов. Примером могут послужить марсианские агенты-разведчики в «Шпионе с Марса» или «Mysis» либо рассказ «Голова мистера Стайла» (оригинальное заглавие – «Мистер Вивасиус Стайл»). Как указывал в предисловии к публикации этого рассказа Е. Брандис («Искатель», 1978, № 1), творчество Грунерта было «несомненно» хорошо знакомо А. Беляеву, а сюжет когда-то прочитанного рассказа мог натолкнуть его на разработку замысла «Головы профессора Доуэля».

Грунерт любил давать своим героям «говорящие» имена: профессор Дилювиус (от «дилювия»), Вивасиус Стайл – буквально это переводится как «живой, живучий Стайл» и одновременно «живой стиль». В «новеллы о будущем» он также смело вводил реальных лиц – в «Машине времени» на сцене появляется сам Герберт Уэллс, в «Шпионе с Марса» – знаменитый астроном Персиваль Лоуэлл.

Рассказы Грунерта порой напоминают сценарии или же чертежи новелл; в них очень мало «лишнего», для описания внешности, настроений, пейзажей писателю хватает и считанных слов, все движется и живет фантастическим допущением. Вероятно, именно поэтому он не создал ни единой научно-фантастической повести или романа – Грунерта занимали сами фантастические идеи, а не их окружение.

М. Фоменко

Рассказы «Конец Земли» и «Шпион с Марса» публикуются по изд.: *Грунерт К.* Гибель земли; Шпион с Марса: Фантастические рассказы. СПб., 1911. Рассказ «Машина времени» публикуется по изд.: *Альманах мировой литературы.* Кн. 1. (М., 1914). Рассказ «Египтянка Нитакэрт» печатается по публикации в журн. *На суше и на море*, 1911, № 12 (данный анонимный перевод был также опубликован в сб. *Маяк: Рассказ Э. Сальгари и другие рассказы.* М., 1912). В указанных текстах исправлены очевидные опечатки и некоторые устаревшие особенности орфографии и пунктуации. Рассказ «Голова мистера Стайла» публикуется по журн. *Искатель* (1978. № 1). Рассказ «Яйцо археоптерикса» переведен специально для настоящего сборника.

Оглавление

Яйцо археоптерикса. <i>Пер. М. Фоменко</i>	5
Гибель Земли. <i>Пер. Р. Маркович</i>	20
Шпион с Марса. <i>Пер. Р. Маркович</i>	43
Машина времени	55
Голова мистера Стайла. <i>Пер. Б. Канделя</i>	71
Египтянка Нитакэрт	84
<i>М. Фоменко. Об авторе</i>	101
И с т о ч н и к и	103

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.